
Алёна Цветкова
ЛИТМОБ
Попаданка в Золотой век
Екатерина Долгорукова
Судьба империи

Алёна Цветкова

Екатерина Долгорукова. Судьба империи

«Автор»
2026

Цветкова А.

Екатерина Долгорукова. Судьба империи / А. Цветкова — «Автор», 2026

Опытный сорокалетний экономист из XXI века погибает под завалом и приходит в себя в Санкт-Петербурге 1860-х годов. Теперь она — юная княжна Екатерина Долгорукова. Брат погряз в долгах, а её саму прочат в покорные фаворитки Императору Всероссийскому.Но антикризисный менеджер из будущего не станет живым товаром. Первое же свидание в Летнем саду оборачивается скандалом: Катя жестко отшивает Александра II, потребовав от него прямого ответа. Однако монарх не привык к отказам, а Кате, чтобы выжить, нужна мощная экономическая база. Она решает сломать систему и стать не содержанкой, а стратегическим партнером государя.Пока двор считает её набожной дурочкой, Катя разворачивает промышленную революцию. Инновационный конвейер на Обводном канале, переработка токсичных отходов, открытие первого независимого «Бюро ревизии» и скрытый аудит всей царской армии — оружием женщины из будущего становятся точный расчет и жесткая логистика.Сможет ли она переписать историю великой империи по своим правилам?

© Цветкова А., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 7
Глава 3 9
Глава 4 11
Глава 5 13
Глава 6 15
Глава 7 17
Глава 8 20
Глава 9 23
Глава 10 25
Глава 11 26
Глава 12 28
Глава 13 30
Глава 14 32
Глава 15 34
Глава 16 36
Глава 17 39
Глава 18 42
Глава 19 45
Глава 20 47
Глава 21 49
Глава 22 51
Глава 23 56
Глава 24 58
Глава 25 60
Глава 26 64
Конец ознакомительного фрагмента. 65

Алёна Цветкова
Екатерина Долгорукова. Судьба империи

Глава 1

Я открыла глаза — и мир вокруг поплыл. Вместо гула завода и привычного сияния монитора меня встретила ватная, пыльная тишина. Передо мной был не пластик рабочего стола, а ворсистый ковер с выцветшим узором.

«Склад. Проверка активов... тот стеллаж с арматурой… он ведь повалился прямо на меня?» — мозг лихорадочно зацепился за последнюю точку. Грохот, темнота и... тишина.

Я попыталась резко встать, но тело отозвалось странной, сковывающей тяжестью.

«Переломы? — мелькнула паническая мысль. — Загипсовали? Почему так туго?»

Грудь сдавило так, что вдохнуть не получалось. Я рванулась, пытаясь освободиться от «бинтов», но пальцы наткнулись на холодный шелк и жесткие ребра каких-то пластин. Ноги запутались в чем-то тяжелом и бесконечном.

— Врача... — прохрипела я, шаря по полу в поисках телефона. — Помогите...

Карманов не было. Под пальцами — только ткань. Я, пошатываясь, поднялась, цепляясь за резную ножку кресла, и замерла перед трюмо.

Из мутного зеркала на меня смотрела незнакомка. Фарфоровая кожа, огромные карие глаза и ни одной морщинки. Юная. Совсем девчонка. На ней было платье, которое больше напоминало театральный костюм, а «гипсом» на моих ребрах оказался тугой атласный корсет.

— Это что, розыгрыш? — мой голос был чужим, тонким. — Где я?

Я лихорадочно огляделась. Ни белых стен палаты, ни писка приборов. Высокие потолки с потрескавшейся лепниной, массивный шкаф с облупившимся лаком и пыльные тяжелые шторы. Всё вокруг выглядело как декорация к фильму о позапрошлом веке, причем декорация очень старая и запущенная.

Взгляд упал на бюро в углу. Там среди каких-то коробочек и безделушек лежала раскрытая папка с бумагами. Мой взгляд по привычке выхватил слово «Счет» на верхнем документе и цифру с множеством нулей.

Я сделала шаг к столу, пошатываясь от непривычной тяжести юбок. Верхний лист был исписан каллиграфическим почерком: «Ее Сиятельству княжне Катерине Михайловне. В кредит более не отпускать. Требуем расчета за поставленные шелка и кружево».

— Какое еще сиятельство? — прошептала я, касаясь пальцами плотной бумаги. — Какой шелк?

Дверь распахнулась. В комнату влетела девушка в чепце, на ходу откупоривая какой-то флакон. Увидев меня у стола, она замерла, едва не выронив его.

— Ох, барышня! Слава богу, очнулись! — она подлетела ко мне, хватая под локоть. — Я уж за солью побежала, думала — всё, преставились... Михаил Михайлович в коридоре мечется, за доктором посылать хотел. Куда ж вы вскочили? Сядьте!

Она почти насильно усадила меня в глубокое кресло и сунула под нос флакон. Резкий, бьющий в мозг запах нашатыря вышиб слезу. Если бы я спала или бредила, после такого точно очнулась бы и пришла в себя. Значит вокруг меня самая настоящая реальность.

— Кто ты? — выдохнула я, отстраняясь от вонючей жидкости. — И где я нахожусь?

Девушка замерла, рука со стаканом мелко задрожала. На её лице отразился такой искренний, неподдельный ужас, что мне самой стало не по себе.

— Господи... Катерина Михайловна, барышня, что ж вы такое говорите-то? — прошептала она, крестясь свободной рукой. — Акулина я. С малых лет при вас... Дома мы, в Петербурге, в своем особняке. Совсем вы плохи, раз не признаете...

Она сорвалась с места и кинулась к двери, причитая на ходу:

— Посидите, Христа ради! Я сейчас... я Михаила Михайловича позову!

Я не успела возразить. Через минуту тяжелые шаги в коридоре стихли у порога. Дверь распахнулась, и вошел высокий мужчина в военном мундире. Его лицо было бледным, а губы сжаты в узкую линию. Жестом он выставил Акулину и запер дверь.

— Катя, оставь эти фокусы, — его голос был сухим и резким. — Акулина говорит, ты бредишь? У нас нет времени на девичьи обмороки.

Он подошел к бюро, небрежно отодвинул мой «счет за шелка» и тяжело оперся руками о столешницу.

— Ты видела бумаги? Кредиторы завтра утром придут описывать мебель. Это конец. Если мы не решим вопрос сейчас, нас вышвырнут на улицу. Понимаешь? Нам не на что будет купить хлеба!

Он поднял на меня взгляд — в нем не было сочувствия, только отчаяние загнанного игрока.

— Завтра в одиннадцать мы должны быть в Летнем саду. Он снова справлялся о тебе. Он выделил тебя среди прочих еще в Смольном. Это наш единственный шанс, Катя. Если ты сумеешь… если ты понравишься Ему, Он закроет счета. Все наши счета.

Я молчала, глядя на этого человека, который официально считался моим братом. В голове, привыкшей к цифрам и логике, пазл сложился. Это не была забота. Это была инвентаризация перед продажей.

— Значит, я — твоя последняя ставка, Михаил? — мой голос прозвучал на удивление твердо. — Ты хочешь закрыть свои долги моим телом?

Брат вздрогнул, будто я ударила его хлыстом. Лицо пошло пятнами.

— Как ты смеешь… Это для блага семьи! Завтра ты наденешь лучшее платье и будешь улыбаться так, будто от этого зависит твоя жизнь. Потому что так оно и есть!

Он вышел, с грохотом захлопнув дверь.

Я медленно опустилась в кресло. Ситуация прояснилась: в теле юной девчонки меня выставили на торги. А таинственный «Он» — какой-то высокопоставленный старец, способный одним росчерком пера спасти эту семью.

Сильная и независимая женщина превратилась в живой товар, который ведут под венец для закрытия чужих дыр в бюджете? Ну уж нет. Раз я теперь здесь, играть будем по моим правилам. Завтра в Летнем саду посмотрю этому «претенденту» прямо в глаза.

Глава 2

Я очнулась от сухого щелчка раздвигаемых штор. В комнату ворвался свет, безжалостный и яркий.

— Вставайте, Екатерина. Девять часов. У нас ровно сорок минут, чтобы сотворить чудо.

Голос был молодым, но в нём вибрировала такая властность, что сон вымело из головы мгновенно. Над кроватью стояла женщина лет двадцати пяти. Безупречная осанка, взгляд острый, как бритва. Я ещё не знала её имени, но типаж считала сразу: из тех амбициозных натур, что обожают распоряжаться чужими жизнями в свою пользу, считая это высшим благом

В комнате уже кипела работа. Горничные шуршали бумагой, разворачивая белое облако кисеи.

— Лизка, шнуруй живей, — бросила незнакомка. — Если на корсете будет хоть один изъян, ты сегодня же отправишься в деревню.

Я села, медленно потягиваясь. Внутренний голос, привыкший трезво оценивать любую кризисную ситуацию, советовал: «Тихо. Не лезь на рожон раньше времени. Сначала посмотри в глаза этому "благодетелю", оцени масштаб катастрофы, а там решим, как выбраться из этой ловушки».

— Послушайте… — я нахмурилась, глядя на шнуровку. — Может, сегодня обойдёмся без этого корсета? Вчера в нём было невозможно дышать.

Женщина тонко улыбнулась, поправляя перчатку.

— Оставьте ваш юмор, дорогая. Сегодня он неуместен. Дышите мелко, как подобает приличной девице. Ваша задача сегодня — не соображать, а сиять.

«Дышите мелко», — мысленно передразнила я её, уже привычно вцепляясь в спинку кровати и выдыхая по команде горничной. Вчерашний урок я усвоила: корсет оставляет ровно столько кислорода, чтобы не упасть в обморок прямо на ковер. Ничего. Я здесь второй день. Посмотрю на этого «жениха», пойму, как далеко зашел их сговоров с братом, а там... там мы еще повоюем. И это орудие пыток будет первым, что я отправлю в утиль вместе с кодексом «приличных девиц».

Когда на мне закрепили кринолин, я почувствовала будто белая медуза из тюля и китового уса захлопнула челюсти. Незнакомка подошла вплотную, поправляя мой локон. Её пальцы были холодными. Она смотрела на меня не как на человека, а как на живой товар, который нужно выставить на витрину в самом выгодном свете.

Экипаж немилосердно трясло на булыжной мостовой. Я сидела, вцепившись в кожаную петлю, и старалась не дышать слишком глубоко — корсет тут же напоминал о себе острой болью в ребрах. Напротив, прямая как палка, сидела моя спутница. Она не сводила с меня пристального взгляда, словно проверяла, не помялась ли отделка платья в пути.

— Вы должны быть само очарование, Екатерина, — произнесла она, поправляя безупречную перчатку. — Никаких лишних слов. Только кроткая улыбка и взгляд в пол. Помните: сегодня решается судьба вашего дома.

Я лишь молча кивнула, глядя в окно на серые петербургские фасады. В моей прошлой жизни «честь дома» обычно означала порядок в подъезде, а не выгул девицы перед богатым старцем.

Карета замедлила ход. Лакей спрыгнул с запятков и распахнул дверцу, низко кланяясь.

— Приехали, Варвара Ильинична. Летний сад-с.

Так вот как тебя зовут. Варвара. Имя — как щелчок кнута. Ей очень подходило: холодная, резкая, не знающая возражений. Она вышла первой и подала мне руку с таким видом, будто принимала ценный груз с борта корабля.

Я ступила на гравий аллеи. Воздух здесь был другим — свежим, с тонким ароматом первой зелени и сыростью тающего льда. Сад жил своей жизнью: шуршали пышные юбки, господа в сюртуках обменивались поклонами, а на меня со всех сторон летели изучающие взгляды.

«Ну что ж, посмотрим, кто кого», — я расправила плечи, игнорируя протест китового уса. Я не декорация для чужой жизни. И пусть этот «претендент» будет готов к тому, что у куклы есть не только лицо, но и характер.

Глава 3

Я шла под руку с Варварой по главной аллее, старательно копируя походку окружающих дам: мелкими шажками, склонив голову. Каждое движение давалось с боем — кринолин так и норовил зацепиться за кусты, а корсет превращал дыхание в роскошь.

«Как они вообще здесь выживают?» — думала я, чувствуя, как ноют мышцы от неестественной позы. Но я упорно держала лицо: легкий наклон, плавный взмах веера. Главное — не выдать своего напряженного ожидания. Я внимательно сканировала толпу, пытаясь вычислить в этом море фраков и мундиров того самого «старца», ради которого меня так усердно упаковывали в шелка.

Летний сад напоминал огромную театральную сцену. Дамы замирали у мраморных статуй в заученных позах, кавалеры раскланивались с преувеличенной вежливостью. Каждый здесь играл свою роль, стараясь подороже продать себя обществу.

Вдалеке движение стало плотнее. Толпа не просто расступалась — она замирала. Дамы оседали в глубоких реверансах, мужчины спешно обнажали головы.

«Главный идет», — мгновенно оценила я ситуацию, глядя на то, как вытягиваются в струнку окружающие. По аллее явно двигался «большой босс», перед которым трепетали все эти расфуфыренные в пух и прах участники представления. Я невольно выпрямилась, пытаясь разглядеть того, кто вызывает такой коллективный паралич.

— Спину! — прошипела Варвара, мертвой хваткой вцепившись в мой локоть. — И не смей глазеть. Это неприлично.

Послушно опустила ресницы, но продолжала наблюдать боковым зрением.

Толпа расступилась, и на аллее появился он. Высокий, статный офицер в парадном мундире.

Я замерла. Золото эполет слепило на солнце, шпага мерно покачивалась у бедра.

Мундир, густые бакенбарды и этот характерный разворот плеч показались мне странно знакомыми — так выглядят парадные портреты в школьных учебниках истории. Но если там это была лишь застывшая маска на холсте, то здесь… Здесь всё было пугающе живым. Улыбка, тронувшая уголки губ, ясный, пронзительный взгляд — в учебниках не писали, что ожившая картина может так смотреть.

Где-то глубоко внутри отозвалась прежняя Катенька. Гормональный шторм юного тела ударил в голову, заставляя сердце пуститься вскачь. «Красивый. Чертовски красивый мужчина», — пронеслось в мыслях.

Но мой собственный, взрослый разум впал в ступор по другой причине.

«И это — мой старец?» — я растерянно моргнула.

Весь мой план «глухой обороны» против дряхлого деда рассыпался в прах. Для меня, сорокалетней, он выглядел… молодым. Опасно молодым, подтянутым и обладающим той бешеной харизмой, против которой у меня не было готовых алгоритмов.

— Это он? — тихо спросила я у Варвары, не поворачивая головы, надеясь, что ее ответ будет «нет».

— Не притворяйся, будто сама не знаешь, — шепнула Варвара, бросив на меня строгий взгляд. — Я заметила, ты сегодня сама не своя, но не настолько же...

Мужчина приближался. Люди вокруг замирали, склоняли головы, отступали к сторонам аллеи. Его взгляд скользил по толпе, не задерживаясь ни на ком, ровно до того момента, как коснулся меня. Он тот же час изменил направление и зашагал прямо к нам. Варвара тут же присела в глубоком реверансе, потянув меня за руку вниз.

А я… я просто осталась стоять. Не от страха, не от оцепенения — а потому что начисто забыла, что нужно присесть в реверансе. Ну, не привыкла я кланяться! И глаза опускать не привыкла.

Он остановился напротив. Наши взгляды встретились — его глаза оказались неожиданно тёплыми, с искоркой любопытства и искреннего удивления. Всё вокруг будто замерло: шёпот дам, шорох платьев, даже ветерок, играющий листьями лип, — всё стихло в этот миг, словно в страхе перед тем,что вот-вот случится.

Варвара, всё ещё в поклоне, бросила на меня полный отчаянный взгляд! Но я стояла, застигнутая врасплох, и не могла пошевелиться, осознавая, что совершила какой то немыслимый промах в этом сложном танце светских правил.

Свита за спиной мужчины впала в коллективный ступор. А какая-то женщина за нашими спинами сдавленно прошептала:

- Боже, она лишилась чувств или рассудка?

Ее тихий шепот оказался неожиданно громким в звенящей тишине будущего скандала...

Глава 4

Секунду он смотрел на меня удивленно, почти растеряно. Затем его лицо смягчилось, и в его взгляде появилась болезненная нежность. Он словно забыл обо всех вокруг — о склонившихся дамах, о замерших кавалерах, о Варваре, застывшей в неловкой позе реверанса.

— Екатерина Михайловна… Катя… — его голос низкий, в нём слышна тонкая грань мольбы. — Вы получили моё письмо? Я ждал ответа всю ночь. Скажите, что ваше молчание — не приговор.

Он делает шаг вперёд, нарушая дистанцию. Варвара судорожно вздохнула, дёрнулась, но осталась стоять в поклоне — не решившись выпрямиться и вмешаться.

В голове пронесся вихрь. Письмо? Какое еще письмо? Абсурдный вопрос, на который у меня не было ответа.

Это было похоже на то, как если бы посреди важного совещания тебе вдруг задали вопрос на языке, которого ты не знаешь, но с такой страстью, что сердце пропускает удар. Я просто стояла и хлопала ресницами, пытаясь осознать: кто это? Откуда такая близость в его тоне? И почему у меня внутри всё так предательски дрожит?

Тишина вокруг стала почти осязаемой. Я слышала, как где то вдалеке смеются дети, как шуршат юбки дам, перешёптывающихся за спиной. Я слышала, как бьётся моё собственное сердце — быстро, неровно.

Его нельзя было назвать красавцем в современном понимании — лицо чуть припухшее, черты мягкие, не такие резкие, как у моделей из журналов. Но в нем было что-то поважнее правильного овала лица. Порода. Невероятная, вековая стать и взгляд — тяжелый, глубокий, проникающий так далеко в душу, что у меня перехватило дыхание. Мундир сидел на нем как влитой, подчеркивая широкие плечи и военную выправку. От него веяло силой и… властью.

Это не была напыщенная важность — скорее, я чувствовала, что на его плечи навалена вся тяжесть этого мира, а он стоит, расправив их, и делает вид, что не чувствует этого давления.

Внутри всё предательски дрогнуло. «Если это тот самый "старец", — мелькнула шальная мысль, — то я готова признать, что мои представления о возрасте и привлекательности сильно устарели».

Но следом ледяной волной накрыло упрямство. Я не товар. И я не позволю играть собой в темную, даже если этот человек обладает магнетизмом целой планеты. Чтобы сбить это неуместное наваждение, я выпрямилась и посмотрела на него в упор — так, как смотрят на сложного партнера по переговорам.

— Простите, сударь, — я оборвала его, игнорируя вопрос о письме. — Я не совсем понимаю, о чем вы. Но давайте сразу к делу. Я знаю, зачем меня сюда привели.

Я сделала паузу, чувствуя, как в груди всё сжимается от странного, почти детского ожидания. В глубине души мне отчаянно хотелось, чтобы он подтвердил мою догадку. Чтобы этот статный мужчина оказался тем, с кем мне предстоит делить судьбу.

— Скажите прямо: вы мой будущий муж?

Мужчина моргнул. Его брови взлетели вверх, а в глазах отразилось такое искреннее замешательство, будто я только что нарушила все законы физики.

— Нет… — выдавил он, явно ошарашенный моей напористостью. — То есть… официально… это невозможно. Нет.

Эти три буквы — «Нет» — ударили наотмашь. Разочарование обожгло изнутри так остро, что я едва не поморщилась. Значит, не он. Значит, этот человек — просто случайный эпизод, а мой настоящий «старец» где-то впереди.

— Вот и славно, — я ослепительно улыбнулась. — Тогда не смею вас задерживать. Всего доброго!

Улыбка вышла насквозь фальшивой, но мне было плевать. Внутри всё горело от жгучего, унизительного разочарования.

Я развернулась и пошла прочь, чеканя шаг по гравию, словно уходила с сорвавшейся сделки. Спину жгло от его взгляда, но я не оборачивалась.

«И почему ты так расстроилась, Катя?» — ехидно спросил внутренний голос.

Я стиснула зубы. Расстроилась? Глупости. Я была в ярости. В ярости от того, что на секунду — всего на одну короткую секунду! — я была готова забыть все свои принципы. Стоило увидеть эти плечи, этот взгляд, почувствовать эту сумасшедшую харизму, и моя «независимость» едва не помахала мне ручкой. Оказалось, что я тоже человек, и мне тоже хочется, чтобы «спаситель» выглядел как герой кино, а не как дряхлый дед с одышкой.

Признать это было тошно. Получалось, что цена моей свободы — всего лишь правильные черты лица и уверенный голос?

«Нет, — отрезала я сама себе, прибавляя шагу. — Никакой разницы. Что старик, что этот... эпизод. Никому я продавать себя не буду. Тем более какому-то заезжему франту, который даже "да" или "нет" сказать не может без оговорок про формальности».

Варвара догнала меня уже у самого выхода из сада. Лицо у неё было такого цвета, будто её собирались вести на плаху прямо сейчас, без суда и следствия. Она хватала ртом воздух, не в силах вымолвить ни слова, только судорожно вцепилась в мой локоть.

Глава 5

Карета мерно покачивалась, выстукивая колесами по мостовой ритм моего затянувшегося шока. Я смотрела в окно, но не видела проплывающих мимо фасадов. Перед глазами, как заевшая кинопленка, прокручивались те несколько минут в саду.

Его голос. Низкий, с той самой вибрирующей ноткой, от которой по позвоночнику до сих пор пробегал запоздалый холодок. Я пыталась убедить себя, что это просто адреналин от встречи с «местным боссом», но пальцы предательски дрожали. Было в этом мужчине что-то… магнитное. Такое, что не вычеркнешь из памяти простым волевым решением, как неудачную статью расходов.

Когда экипаж замер у парадного подъезда, я почти выскочила наружу, лишь бы сбежать от удушающей тишины и застывшего, заиндевевшего взгляда Варвары. Воздух в доме казался тяжелым, предвещая бурю, которая вот-вот должна была обрушиться на мою голову.

— Катя! — Варвара мертвой хваткой вцепилась в мой локоть, едва мы переступили порог. Она была бледной, как полотно, а её пальцы, сжимавшие мою руку, казались ледяными. — Ты хоть понимаешь, что ты натворила?! Ты… ты погубила нас всех!

— А что я сделала? — я вздернула подбородок, включая привычную маску невозмутимости, хотя внутри всё вибрировало от какого-то безумного, почти подросткового азарта.

— Ты стояла! — Варвара едва не сорвалась на крик, прижимая свободную руку к груди. — Ты стояла, когда он подошел! Смотрела ему прямо в глаза, не склонив головы! Ты говорила с ним так, будто он… будто он лавочник какой-то, решивший навязать тебе лишний аршин лент!

Она пошатнулась, и я едва успела подхватить её под руку. На её виске испуганно забилась тонкая жилка.

— Воды… — прошептала она. — Принесите воды… или лучше… лауданум. Господи, за что мне это…

Служанка испуганной птицей метнулась выполнять приказ, а Варвара, вместо того чтобы уйти к себе, тяжело рухнула в кресло. Огонь в камине едва теплился, бросая на её помертвевшее лицо дрожащие, почти призрачные тени. Она судорожно теребила кружевной платок, словно этот клочок ткани был единственным, что удерживало её от падения в бездну.

Я замерла на пороге. В гостиной повисла такая тяжелая тишина, что в ней, казалось, можно было захлебнуться. Сладковатый запах воска и сухой лаванды вдруг стал удушливым.

— Кто это был? — наконец выдавила я. Голос прозвучал хрипло, ломая затянувшееся молчание.

Варвара вскинула на меня глаза. В них плескалось такое неподдельное изумление, смешанное с чистым, первобытным ужасом, что мне на секунду стало не по себе. Она смотрела на меня так, будто у меня внезапно выросла вторая голова.

— Что?.. — едва слышно переспросила она.

— Кто этот мужчина, Варвара? — я сделала шаг вперед, стараясь сохранять лицо делового человека, попавшего в непонятную ситуацию. — Я действительно не знаю. Я… я его не узнала.

Она молчала несколько долгих секунд, жадно вглядываясь в мое лицо, словно пытаясь отыскать в нем признаки безумия или издевки. Затем резко, по-струнке, выпрямилась. В её взгляде вдруг блеснула холодная, звенящая сталь.

— Да как ты можешь не знать? — Варвара вцепилась в подлокотники кресла так, что костяшки пальцев побелели. Она подалась вперед, и её голос упал до благоговейного шепота: — Катя… Ты сошла с ума? Лихорадка окончательно выжгла твой рассудок?! Это же Его императорское величество. Александр Второй! Тот, кто покровительствовал семье Долгоруковых

все эти годы! Кто оплачивал ваше обучение, кто заходил к вам по праздникам, как добрый гений!

Мир вокруг меня на мгновение замер, а потом с грохотом перевернулся.

— А ты? — Варвара вдруг всхлипнула пи поднесла платочек к сухим глазам. А в её голосе прорезались тягучие нотки бесконечного попрека. — Сколько раз я тебе говорила? Ты должна улыбаться ему! Должна ловить каждый его взгляд! Быть кроткой, отвечать на знаки внимания… Это единственный путь, Катя! Ты обязана быть благодарной за всё, что он для вас сделал! Если он теперь осерчает? Если потеряет к тебе интерес из-за твоей гордыни? Всем нам конец, Катя! И роду Долгоруковых! И мне!

Эти слова про «благодарность» хлестнули по ушам. Я кожей почувствовала, как часто их вбивали в голову прежней хозяйке этого тела. Словно она не человек, а инвестиция, которая обязана приносить дивиденды в виде монаршей милости.

Я не стала отвечать. Просто развернулась и пошла к лестнице, чувствуя, как в спину летит надрывный шепот Варвары повторящий про «неблагодарность» и «крах». Ноги сами несли меня наверх, в спальню.

Стоило захлопнуть тяжелую дверь и задвинуть медную щеколду, как комната наполнилась тишиной. Я привалилась спиной к дереву и закрыла глаза.

В голове коротким замыканием вспыхнули воспоминания из школьных учебников. Александр Второй. Тот самый, с пыльных плакатов в скучных кабинетах истории. Освободитель, реформатор... Но в Летнем саду он был совсем не такой, как на репродукциях. Он был живой... И пугающе притягательный.

«Катя, мать твою, — я судорожно выдохнула, чувствуя, как по венам растекается адреналин, — ты не просто вляпалась в историю, ты в неё буквально врезалась на полном ходу, забыв пристегнуться. Ты только что отшила Императора Всероссийского»

Я срывала с себя одежду, как человек, пытающийся выбраться из тесной клетки. Скинула туфли, рванула шнуровку корсета, едва не ломая ногти о тугие узлы. И только когда кости китового уса поддались, позволив мне жадно вдохнуть воздух, меня накрыло.

Сначала это был просто нервный смешок, но уже через секунду я хохотала в голос, сползая по двери на пол. Смех вырывался короткими толчками — истеричный, безумный, невероятно облегченный.

— Серьёзно? — прошептала я, вытирая выступившие слезы. — Александр Второй? И я?!

Я поднялась и шатаясь подошла к зеркалу. На меня смотрела девчонка с лихорадочным румянцем и шальными глазами. Сорок лет опыта за спиной, а внутри — азарт игрока, которому сдали самую козырную карту в колоде.

Я провела рукой по прохладной поверхности мраморного столика, разглядывая безделушки: фарфоровую статуэтку пастушки, серебряную шкатулку, веточку засушенной лаванды. Упрямо тряхнула головой. В конце концов, если кто то притащил меня в этот дикий исторический квест, то проходить его я буду на своих условиях. Я не собираюсь падать в обморок от одного упоминания титула или превращаться в фарфоровую куклу, которую можно переставлять с места на место.

И если император действительно моя судьба, он найдёт способ напомнить о себе — самодержцы обычно не принимают отказов.

Пока же у меня есть дела поважнее — нужно провести полную инвентаризацию этой новой реальности и разобраться с прошлой жизнью девицы Долгоруковой. А то вдруг у неё тут, помимо государя, имеется целая картотека потенциальных женихов, по одному на каждый неоплаченный счет.

Я решительно направилась к бюро. Пора было выяснить, что именно скрывает эта комната и о каких «приговорах» говорил человек, владеющий шестой частью суши.

Глава 6

Вытащила шкатулку, которую приметила ещё вчера — небольшую, из тёмного дуба, с изящной серебряной инкрустацией. Она едва слышно скрипнула, когда я подняла крышку, будто неохотно открывая чужие тайны. Внутри обнаружилась стопка писем, перевязанных выцветшей голубой лентой, и увесистый бархатный кошель, прохладный и тяжёлый на ощупь.

Я высыпала содержимое кошеля на одеяло. Золотые монеты звякнули и ослепительно блеснули в луче закатного солнца, пробившегося сквозь тяжёлые портьеры. На мгновение этот блеск заставил меня прищуриться — в моей прошлой жизни такие суммы не носили в мешочках, их переводили траншами.

— Ну что, «прежняя Катя», давай знакомиться, — прошептала я, разворачивая первый листок.

Бумага оказалась тонкой, почти прозрачной, с едва уловимым ароматом лаванды — видимо, девушка хранила письма рядом с сухими цветами. Я ожидала чего угодно: политических интриг, занудных наставлений или слащавых виршей в духе «розы вянут, сердце тает». Но по мере чтения комок всё отчётливее подступал к горлу.

Там не было той грязной подоплёки, на которую рассчитывала Варвара. Моя «заботливая» родственница ведь вовсе потери не чести моей опасалась — она на эту самую «потерю» делала главную ставку. Все в этом доме прекрасно понимали, на что толкают невинную девицу, и что после такой связи путь к нормальному замужеству для нее будет закрыт навсегда. Для Кати любой выбор был билетом в один конец: фаворитка или нищенка.

Но в письмах императора… В них не было похоти или самодовольного распоряжения царя. Там билось нечто совсем иное. Огромное, неприкаянное одиночество человека, зажатого в тиски этикета и бесконечных «должен». Каждое слово буквально кричало о нехватке тепла — не того, что покупается за золото и титулы, а самого обычного, человеческого. Того, когда можно просто выдохнуть и быть собой, а не Его Величеством.

«Катенька, пишу Вам снова, хотя и не надеюсь на ответ. Каждый день я выхожу на публику с улыбкой, которую репетировал перед зеркалом. Говорят, улыбка государя — залог спокойствия империи. Но кто позаботится о спокойствии самого государя? Иногда мне кажется, что я — лишь манекен в драгоценном мундире, кукла, которой дёргают за ниточки министры и дипломаты. А мне так хочется просто поговорить… по человечески. Без титулов, без церемоний. Просто услышать: Саша, как твой день? — и ответить: Хорошо, Катенька. Но такого не бывает. И потому я пишу Вам — человеку, который, кажется, видит меня настоящего. Или мне только кажется?»

Я перечитывала строчку за строчку, и мои догадки, возникшие ещё в Летнем саду, получали документальное подтверждение. Этот статный офицер с «тяжестью мира на плечах» не искал очередную интрижку на стороне. Он искал своего человека. То единственное место в огромной империи, где ему не нужно было держать спину идеально ровно под грузом государственных забот.

В некоторых письмах, за витиеватыми оборотами и светскими метафорами, проглядывало то, что я — со своим опытом женщины двадцать первого века — могла бы с огромной натяжкой назвать плотским желанием. Но боже, как же осторожно и почти невинно это было высказано!

Страсть императора была окутана такой почтительной робостью, таким искренним преклонением, что это невольно притягивало, а не отталкивало. В мире, где близость стала доступной и обесцененной, эта его тихая, едва сдерживаемая жажда просто коснуться моей руки или увидеть мимолётную улыбку казалась чем-то запредельно интимным.

«А помните, на приёме я ловил Ваш взгляд, но Вы упорно смотрели в пол, и это Ваше молчаливое избегание ранило меня глубже любого государственного мятежа. Я знаю, как Вы трепещете в моём присутствии, как бледнеете, едва я делаю шаг навстречу — и это знание невыносимо. Мне хочется кричать, что я не враг Вам, Катенька, но как убедить в этом пугливую птицу, запертую в золотой клетке этикета?

Порой, сидя в кабинете над скучными докладами министров, я закрываю глаза и вижу лишь изгиб Вашей шеи, когда Вы склоняетесь в реверансе. Этот миг, когда Вы так близко и в то же время бесконечно далеко, заставляет меня забыть и о долге, и о короне. Одно Ваше слово, один искренний взгляд без этого ледяного ужаса в глазах — и я бы почувствовал, что наконец-то дышу полной грудью. Я жажду не Вашей покорности, которую мне и так обязаны предоставлять по чину, а того, чтобы Вы перестали видеть во мне лишь грозную тень, распоряжающуюся Вашей судьбой…»

Я провела кончиками пальцев по рваному краю конверта.

«Ты не просто хочешь обладать мной, — подумала я, глядя на летящий почерк. — Ты хочешь быть рядом».

Это меняло всё. Если Варвара и мой братец видели во мне товар, который нужно выгодно сбыть, то император, кажется, искал нечто иное. Ему нужна была не просто покорная кукла, а близкий человек. Собеседница, с которой можно не играть роль самодержца, а просто… быть. Это тот редкий тип отношений, за который мужчины его уровня готовы платить не только золотом, но и искренней привязанностью.

Я снова посмотрела на золотые монеты, рассыпанные по одеялу. Теперь они не выглядели как позорная подачка. Это была попытка мужчины, у которого есть всё, обеспечить безопасность той, кто стала ему дорога.

В конце последнего письма стояла размашистая подпись — просто «Саша». Меня будто током ударило. Это короткое домашнее имя в контексте всей имперской мощи звучало так беззащитно, так… по-настоящему. Будто он на мгновение сбросил с себя тяжесть короны и позволил себе быть просто мужчиной.

Я откинулась на подушки, глядя в потолок, украшенный потрескавшейся лепниной в виде херувимов. Закатный луч медленно полз по стене, окрашивая всё в золотисто-розовые тона. Азарт игрока куда-то испарился, оставив после себя странную, тягучую нежность — как будто я случайно заглянула в чужую душу и увидела там что-то очень хрупкое, очень трогательное.

— Ну и что мне с тобой делать, Саша? — спросила я темноту. — Ты ведь даже не представляешь, что на этот раз тебе попалась совсем не та Катя, которая умеет только кротко опускать глаза. Эта Катя, знаешь ли, умеет ещё и думать. И, кажется, впервые за долгое время ты можешь получить то, чего так отчаянно желал: не поклон, а разговор. Не почитание, а понимание.

Я аккуратно сложила письма, перевязала их лентой и убрала обратно в шкатулку. Золотые монеты я пересчитала — их оказалось двадцать три — и спрятала в кошель. Завтра нужно будет разузнать, сколько это стоит в местных реалиях. Но сейчас важнее другое: перед мной открылась новая сторона этой истории. Не дворцовые интриги, не борьба за власть — а живой человек, который просто хотел быть услышанным.

Глава 7

Я прижала ладонь к прохладной лакированной крышке, словно это могло помочь упорядочить вихрь мыслей в голове. Древесина под пальцами была гладкой, прохладной — она успокаивала, заземляла. На улице уже начали сгущаться сумерки, окрашивая комнату в тревожные сиреневые тона.

— Катенька, открой! — донёсся изза двери настойчивый, сорванный до шёпота голос Варвары.

Она уже минут пять стучала — сначала деликатно, потом всё сильнее, и теперь её кулак глухо бил по дубовой панели. Я представила, как она всё это время, с самого нашего возвращения из сада, кружила по дому, боясь войти и не в силах уйти. Моё долгое молчание, прерываемое лишь редким смехом или шорохом бумаги, наверняка довело её до нервного тика.

— Катя! — в её голосе уже звенела неприкрытая паника. — Немедленно выйди, нам нужно поговорить! Если ты сейчас же не откроешь, я позову Михаила, и он прикажет взломать замок!

— Сейчас, минуточку! — крикнула я, стараясь, чтобы голос звучал беспечно.

Медленно встала, одёрнуло измятое платье и бросила взгляд на шкатулку и деньги. Оставлять их на виду было нельзя. Спрятав «компромат» в глубине платяного шкафа под грудой белья, я направилась к двери.

Я повернула ключ в замке и лишь слегка приоткрыла створку — ровно настолько, чтобы Варвара могла войти, но не могла ворваться, нарушая моё личное пространство.

— Ну наконецто! — выдохнула она, просачиваясь в комнату. Её глаза горели плохо скрытой тревогой, а веер в руках нервно подрагивал, выбивая дробь по ладони. — Катя, что это было? Ты хоть осознаёшь, что натворила сегодня в саду? Ты поставила нас всех в чудовищное положение! Михаил будет в ярости!

Я проигнорировала её причитания. Молча прошла к окну и села на подоконник, скрестив руки на груди. Закатное солнце уже почти скрылось, окрашивая спальню в густые багряные тона и отбрасывая на пол длинные, ломаные тени. Я и не заметила, как за чтением писем пролетел этот безумный день.

— Итак, что мы имеем в сухом остатке? — произнесла я ледяным тоном, словно вела совещание, а не выслушивала истерику родственницы.

Варвара замерла на полуслове, удивлённо вскинув брови.

— Что ты имеешь в виду? В каком «остатке»?

Но я уже не слушала её, полностью погрузившись в инвентаризацию своих ресурсов. Картинка складывалась интересная: с одной стороны — восемнадцать лет, безупречная кожа и тот сумасшедший драйв, который даёт только юность. Лёгкость движений, гибкость тела, способность мгновенно восстанавливаться после любого стресса. С другой — мой сорокалетний опыт, который набатом шептал, что бесплатный сыр бывает только в мышеловках. «Саша» — это не просто импозантный мужчина из парка, это целый император, чьё минутное «хочу» меняет границы государств и переписывает законы.

— Первое и самое важное, — прошептала я, спрыгивая с подоконника и начиная мерить комнату шагами.

Варвара следила за мной не отрывая взгляда, в котором застыл самый настоящий, неподдельный ужас. Она явно не узнавала прежнюю Катю в этой женщине с жёстким и расчётливым взглядом.

— Я не дам выдать себя замуж за какогонибудь заслуженного генерала с одышкой, — отрезала я.

Перспектива стать «почётной женой» при комто из верных слуг престола ради «прикрытия греха» прельщала меня меньше всего. Это была бы не жизнь, а медленное угасание в бархатном гробу. Ежедневное лицемерие за роскошным столом, где каждое слово взвешено цензурой, а каждый вздох рассчитан на реакцию общества.

— Забудьте об этом сценарии, Варвара. Я не собираюсь быть разменной монетой в ваших с Михаилом схемах. Если уж мне суждено вляпаться в эту историю, я буду играть по своим правилам.

Варвара открыла рот, чтобы чтото сказать, но я её перебила.

— Второй момент, — я остановилась посреди комнаты, глядя в пустоту, — это сам император.

Он мне понравился. Понастоящему, без учёта короны и гвардейского мундира. И дело даже не в его стати. А в тех строчках, что я только что прочла. Там было столько нерастраченной, почти мальчишеской нежности, что внутри всё невольно откликалось. Если судьба столкнула нас вот так, я не собираюсь строить из себя недотрогу до седых волос. Но и становиться очередной мимолётной тенью в его спальне, «удобной» фавориткой на одну ночь — увольте. Это плохая сделка.

Варвара, наблюдавшая за моими перемещениями с растущим недоумением, наконец не выдержала:

— Катя, о чём ты вообще говоришь? — Она всплеснула руками. — Ты ведёшь себя так, будто… будто ты не ты! Эти слова, этот тон… Где моя кроткая девочка?

Я остановилась прямо напротив неё и посмотрела ей в глаза — жёстко, прямо, поделовому.

— А может, я и правда уже не совсем та Катя, Варвара? Может, теперь я та, кто научилась думать на три хода вперёд?

«Если уж играть, то по-крупному, — решила я про себя. — Чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы. И чтобы ему… ему тоже стало легче».

В голове всплывали мутные, тревожные обрывки школьных уроков. Я не помнила дат и конкретных имен, но общая картина была безрадостной. Кажется, в этом времени у Романовых вообще были плохие отношения с долголетием. Александр, этот или другой, погиб от какой-то бомбы, Николая II и вовсе расстреляли в подвале… Династия уверенно шла к финалу, который в моём времени знал каждый первоклассник.

И теперь, когда я видела за титулом живого, одинокого «Сашу», я понимала: я не смогу просто стоять в стороне и смотреть, как всё катится в пропасть по учебнику истории. Раз уж я здесь, то попробую создать нам обоим мир, где будет место и любви, и безопасности. Чтобы этот «системный сбой» не похоронил ни его, ни меня под обломками империи.

— Ну что ж, Ваше Величество, — я коротко улыбнулась своему отражению в зеркале над комодом, — кажется, вам нужен кризис-менеджер. Я всего лишь экономист, но посмотрим, что смогу сделать.

В голове вдруг щёлкнуло, и картинка сложилась окончательно. Весь этот абсурд с перемещением во времени, молодым телом и внезапным «наследством» перестал казаться ошибкой мироздания. В бизнесе такие вещи называют целевым назначением. Похоже, «наверху» решили, что этот завод под названием «Россия» слишком ценный актив, чтобы позволить ему обанкротиться. А раз так — меня просто наняли. А любовь императора, судя по всему, и есть тот самый аванс, который выдают, когда условия контракта подразумевают полную самоотдачу.

Я выпрямила спину, чувствуя, как внутри просыпается та самая холодная решимость, с которой я входила в кабинеты директоров. Взгляд упал на окно — за ним стремительно темнело, и в небе зажглись первые звёзды. Гдето вдалеке раздался бой часов: они пробили семь.

— Пора действовать, — тихо произнесла я, обращаясь скорее к самой себе, чем к Варваре, которая всё ещё стояла посреди комнаты, не решаясь шелохнуться. — Начинаем новую игру.

Глава 8

Варвара проследила за моим взглядом и тяжело, обречённо вздохнула.

— Ты опять говоришь загадками, Катя. Но я чувствую: ты что то задумала. И боюсь, это будет похлеще твоей сегодняшней выходки в саду.

Я повернулась к ней и мягко, почти сочувственно улыбнулась:

— Возможно. Но на этот раз я играю не против вас, Варвара. Я играю за нас всех. И за него — тоже.

В комнате повисла вязкая тишина. За окном догорал закат, окрашивая небо в тревожные багряные тона. Где то вдалеке поплыл над крышами звон колокола — вечерний благовест. У меня ещё было время собраться с мыслями и рассчитать следующий ход, но интуиция шептала: железо нужно ковать, пока оно не остыло.

— Катя… — Варвара попыталась прервать затянувшуюся паузу, но я остановила её коротким взмахом руки.

— Не сейчас.

Я решительно прошла к массивному бюро с откидной крышкой. Достала лист плотной бумаги, пахнущий типографской краской. Пальцы чуть подрагивали — не от страха перед титулом, а от осознания того, какую лавину может вызвать эта короткая записка. В этом времени бумажное письмо — это юридический документ, улика и признание одновременно.

«Так, стоп, — приказала я себе, делая глубокий вдох. — Никаких Ваше Величество через слово. Если я хочу, чтобы он увидел во мне ту женщину из своих писем, я должна говорить на языке сердца, а не протокола».

Я закрыла глаза, вызывая в памяти его лицо в Летнем саду — тот момент, когда его монаршья маска дала трещину, обнажив растерянного, почти беззащитного человека. Моя резкость не была продуманным гамбитом, она была случайным ударом, который сбил с него официальный глянец. И теперь мне не нужно было «лечить» эту царапину подобострастием. Напротив — эту трещину следовало расширить.

Нужно было вытащить его из под панциря титулов окончательно. Чтобы он понял: рядом со мной не нужно «держать лицо» и бояться собственной уязвимости. Рядом со мной можно просто быть Сашей.

Комната стремительно наполнялась вечерними тенями. Последний луч солнца, пробившийся сквозь тяжёлый бархат штор, золотил край стола и подсвечивал пылинки в воздухе. Я обмакнула перо в чернильницу. Тёмно синяя капля на мгновение зависела на кончике, прежде чем упасть на бумагу крошечным пятнышком.

Строчки ложились быстро, мысль опережала руку:

«Саша, простите за мою утреннюю резкость. В Летнем саду я увидела не Государя, а человека, который, кажется, смертельно устал от того, что в нём видят только титул. И мне вдруг захотелось поговорить именно с этим человеком — без этикета и лишних глаз. Именно поэтому я поступила так, как поступила. Если Вам тоже важно это… дайте знать, когда и где мы сможем продолжить наш разговор. Я буду ждать».

Я отложила перо и перечитала написанное при дрожащем свете свечи. Да, именно так. Коротко, по делу и с чётким посылом: мяч на твоей стороне. Это не было заигрыванием девчонки — это было предложение взрослой женщины, которая не боится его власти. В этих строчках было больше истинной смелости, чем во всей моей дневной выходке.

Всё это время Варвара сидела в кресле у камина, застыв в полосе гаснущего заката. Она не проронила ни слова, лишь неотрывно следила за каждым моим движением. В её глазах читался первобытный ужас, смешанный с отчаянным любопытством.

Я повернулась и протянула ей запечатанный конверт. Варвара вздрогнула, будто очнувшись от транса, и медленно подошла ко мне. Её шаги были почти неслышными на толстом ковре. Она взяла письмо дрожащими пальцами, вцепившись в бумагу так, что костяшки побелели.

— Это… ему? — спросила она севшим голосом.

Я молча кивнула.

— Что там, Катя? — Варвара судорожно вздохнула, пытаясь заглянуть мне в глаза.

— Скоро узнаешь, — ответила я спокойно, но твёрдо. — А пока это не твоё дело.

Она на мгновение замерла, её лицо обиженно вытянулось:

— Но раньше ты всегда спрашивала моего совета…

— Да, — я чуть склонила голову. — А теперь больше не спрашиваю. Но если тебе слишком сложно исполнить мою просьбу, Варвара, — я сделала многозначительную паузу, — скажи сразу. Я найду другого курьера.

Намек был прозрачен как стекло: ты так долго выстраивала эту комбинацию, и сейчас либо примешь мои правила, либо останешься на обочине этой истории, пока я буду договариваться с императором напрямую.

Варвара сглотнула. Жажда власти и страх остаться ни с чем победили остатки воспитательского гонора. Она спрятала письмо в складках платья.

И тут, словно по заказу, снизу донёсся такой грохот, что в коридоре зазвенели подвески на люстре. Мой «братец» не просто вернулся — он явно вознамерился снести этот дом до основания своим криком.

Дверь распахнулась от такого удара, что медная ручка жалобно звякнула о стену. Михаил Михайлович не вошёл — он ввалился в комнату, задыхаясь от ярости. Мундир расстёгнут, волосы всклокочены, а в глазах — тот самый мутный блеск, который бывает у людей, только что осознавших, что их карточный домик рухнул.

— Ты! — взревел он, даже не глядя на побледневшую Варвару, которая инстинктивно прижала руку к карману с моим письмом. — Ты понимаешь, что ты натворила, дрянная девчонка?! Мне только что передали… Государь уехал из сада в таком расположении духа, что министры попрятались!

Я даже не встала. Продолжала сидеть за бюро, медленно и аккуратно вытирая перо кусочком замши. Этот жест — спокойный, будничный на фоне его истерики — подействовал на него как красная тряпка.

— Михаил, — произнесла я, не оборачиваясь, — закрой дверь. Сквозняк портит бумагу, а твой крик — мой аппетит.

Брат на мгновение поперхнулся воздухом. Он ждал слёз, мольбы о прощении, обморока, в конце концов. Но не этого ледяного тона «старшего по званию».

— Как ты смеешь… — он сделал шаг вперёд, занося руку, словно собирался схватить меня за плечо. — Ты хоть знаешь, сколько я задолжал? Нас выкинут на улицу завтра же! Кредиторы… они ждали этого дня! Если Государь отвернулся, нам конец! Ты должна была пасть ниц, ты должна была…

Я резко развернулась в кресле. Взгляд специалиста, привыкшего принимать сложные решения, пригвоздил его к месту лучше любого приказа.

— Послушай меня внимательно, «глава семьи», — я встала, и Михаил невольно отшатнулся. — Твои долги — это результат твоей бездарности, а не моей «гордыни». Я больше не собираюсь быть разменным рублём в игорных домах.

— Что ты несёшь?! — взвизгнул он. — Ты обязана…

— Я обязана только себе, — отрезала я. — А теперь — цифры. Сколько ты должен? Кому? И какие сроки?

Михаил замер, нелепо открыв рот. Вопрос про «сроки и цифры» в устах восемнадцатилетней сестры прозвучал как гром среди ясного неба.

— Я… я не обязан перед тобой отчитываться! — Михаил наконец обрёл голос, хотя тот и сорвался на высокой ноте. — Ты — женщина! Твоё дело — улыбаться кому велят, а не забивать свою хорошенькую головку вещами, которые ты не в силах понять!

Я сделала шаг к нему, сокращая дистанцию до минимума. Мой взгляд, прямой и холодный, заставил его запнуться на полуслове.

— Твоё право хранить свои долги в секрете, Михаил, — произнесла я, и в моём голосе звякнул металл. — Но ты сам сделал так, что решать проблемы — теперь моё дело. Ты проиграл право на свой «авторитет» за карточным столом. И раз уж ты превратил свою сестру в единственный ликвидный актив, то будь добр — смирись с тем, что у этого актива появились свои условия и свой голос.

Михаил замер, нелепо открыв рот. Он явно пытался найти в моей внешности хоть какой то след прежней Кати — той, что краснела от одного его окрика, — но видел лишь незнакомку с пугающе уверенным взглядом.

— А теперь, — улыбнулась я, возвращаясь к деловому тону. — я официально предупреждаю тебя, что по своим долгам ты будешь платить сам. Даже не рассчитывай получить дивиденды от сделки с императором. Если уж мне придётся продать своё тело, то все доходы от этой продажи я заберу себе.

Михаил побледнел, его пальцы, сжимавшие злосчастные бумаги, мелко задрожали. Он открыл рот, чтобы что то возразить, воззвать к чести или родственным чувствам, но под моим ледяным взглядом лишь беспомощно глотнул воздух.

— Ты… ты не можешь так поступить… — выдавил он наконец. — Мы же одна кровь, Катя! Если кредиторы придут в субботу…

— То ты встретишь их сам, — отрезала я, направляясь к двери и распахивая её настежь, приглашая брата на выход. — И сам объяснишь, почему князь Долгоруков не может заплатить по счетам. А я… я буду занята. У меня, знаешь ли, намечается очень перспективный «инвестиционный проект», в котором тебе места нет.

Я дождалась, пока он, пошатываясь, выйдет из комнаты. И прежде чем закрыть дверь, кивнула Варваре, указывая, что ей тоже пора идти.

Она спорить не стала. Тут же вскочила и исчезла в темноте коридора. Я с сухим щелчком заперла дверь. В комнате повисла тишина, тяжёлая и звенящая.

Медленно достала кошель с золотом и задумчиво взвесила его на ладони.

— Брата в беде я, конечно, не оставлю, — я посмотрела на своё отражение, в котором уже не осталось ничего от напуганной девочки. — Но моя помощь будет зависеть от того, насколько быстро он примет новые правила игры. А пока… пока у меня есть немного золотых и целая ночь, чтобы решить, что с ними делать.

Глава 9

Я медленно пересыпала монеты из руки в руку. Глухой, благородный звон золота успокаивал лучше любой валерианы.

Потратить эти крохи на новые платья, кружевные зонтики или шёлковые ленты было бы не просто глупостью, а преступлением против собственного будущего. В моей прошлой жизни это называлось «проесть основной капитал». Нет, эти двадцать три рубля — мой «тревожный чемоданчик». Единственная страховка на случай, если страсть императора развеется, как утренний туман над Невой.

Я невольно усмехнулась своим мыслям. Фаворитка — это не законная жена. И при «разводе» мне не достанется половина совместно нажитого имущества. С чем пришла, с тем и уйду. В лучшем случае — с парой колье и билетом в глухую деревню под надзор.

— Никаких монастырей, Катя, — прошептала я своему отражению, в котором уже проглядывала стальная уверенность. — Пока государь неровно дышит в мою сторону, я должна не просто сохранить, а преумножить то, что имею. Чтобы, если наступит «чёрный день», уйти из его жизни обеспеченной дамой с высоко поднятой головой.

Я вернула мешочек в глубину шкафа, зарыла его в стопку накрахмаленного белья, оставив на ладони лишь одну монету. Тяжёлую, холодную, пахнущую властью. Чтобы составить план, нужно было понять правила игры. На что я могу рассчитывать? Сколько стоит выживание?

И помочь мне в этом могла только Акулина. Не потому, что я ценила её познания в экономике, а потому, что только ей я могла задать такие вопросы, не вызвав подозрений. Стоит Михаилу или Варваре пронюхать, что у меня завелись деньги — они тут же наложат на них свои жадные лапы. Проще говоря, обкрадут средь бела дня. А я даже пожаловаться не смогу: в этом веке девицам не полагается иметь своего капитала без опеки «умных» мужчин.

Я решительно позвонила в колокольчик. Резкий медный звук разрезал тишину комнаты.

Через минуту в дверь робко поскреблись.

— Звали, Катерина Михайловна? — Акулина вошла, кутая руки в передник. Она явно ещё не отошла от криков брата, которые слышал весь дом.

Я жестом поманила её к себе и положила золотую монету на край стола. Она тускло блеснула в свете ламп.

— Акулина, подойди. Ты же слышала, как брат на меня кричал? — Я намеренно понизила голос, создавая атмосферу доверительной тайны. — Боюсь, он совсем рассудок потерял от долгов. Вдруг разозлится и выгонит меня из дома?

Горничная испуганно охнула, прикрыв рот рукой.

— Вот скажи мне, голубушка, — я кивнула на золото, — если у меня будет такая монета… одна. На что её хватит? Смогу я на неё снять жильё, чтобы чисто было, и не голодать? Сколько за месяц за комнату просят, и почём нынче обед в городе? Рассказывай всё, как есть, не таись.

Акулина опасливо оглянулась на дверь и подошла почти вплотную, глядя на монету так, словно та могла её обжечь.

— Ох, матушка, Катерина Михайловна… — зашептала она, и в глазах её мелькнуло почти благоговейное уважение. — Да вы что ж такое говорите? Чтобы родной брат — да на улицу!

Она сглотнула и, осмелев, коснулась пальцем края золотого кругляшка.

— Одной такой пятирублевки, коли с умом… Если комнату в центре не брать, где господа офицеры гуляют, а подальше, за Сенной или у вдов чиновных — так за три рубля в месяц

вам такие хоромы справят, что и с мебелями, и с самоваром! А ежели просто угол — так и за полтину перекантоваться можно, только вамто, белой косточке, негоже…

— А еда? — Я чуть подалась вперёд.

— Две копейки — калач тёплый, фунт говядины — копеек двенадцать, — Акулина начала загибать пальцы, входя в раж. — На пять копеек можно щей с куском мяса в трактире откушать, да таких, что ложка стоять будет. Если попростому, без ананасов этих заморских, то на десять рублей в год человек сыт по горло будет! А на один золотой… Да вы на него, барышня, месяц королевой проживёте.

Я медленно кивнула. Картина прояснилась. То есть пять рублей в месяц — это более-менее приличный уровень жизни. Для горничной, конечно. Но бизнес с таким капиталом не построишь…

Наверное, разочарование отразилось на моём лице, потому что Акулина заговорила снова:

— Не горюйте так, барышня, — вдруг добавила Акулина, видя мою задумчивость. — Коли и впрямь выгонит, так ведь в Тепловку поехать можно. Там и дом каменный, и сад. Там за жильё платить не надо, на подножном корму да на этих деньгах вы там пять лет припеваючи проживёте!

— В Тепловку? — Я зацепилась за название. — Это ещё что за место?

Акулина всплеснула руками.

— Да как же, матушка! Батюшка ваш там всё время проводил. Земли там — край не видать, чернозёмы! Только сказывают, Михаил Михайлович туда и носа не кажет, всё из Петербурга управляет. А управляющий там, поговаривают, ворует почёрному, потому и дохода нет. Но ведь имениего ваше!

В голове мгновенно выстроилась цепочка. Имение, земли, урожай, доход. Я, конечно, никогда не интересовалась сельским хозяйством, но проанализировать финансовые отчёты и поймать управляющего на воровстве точно смогу. А потом заставлю Михаила честно делить доход от имения. Вот и первая прибыль.

— Спасибо, Акулина. Ступай. И об этом разговоре — ни слова. Ни Варваре, ни брату.

Когда за Акулиной закрылась дверь, мой энтузиазм слегка поостыл, сменившись холодным скепсисом.

«Имение, говоришь? Каменный дом и чернозёмы?» — Я задумчиво побарабанила пальцами по столешнице.

Если Михаил по уши в долгах и готов, по сути, продать родную сестру императору, то вряд ли Тепловка стоит нетронутой. Зная психологию азартных людей, я могла поспорить на свои золотые: имение либо давно заложено в какомнибудь местном банке, либо, что ещё хуже, перешло в руки частных ростовщиков под грабительские проценты.

В таком случае весь доход, который ушлый управляющий не успел украсть, уходит не нам, а на оплату бесконечных штрафов и пени. Обычная схема: актив работает на кредитора, а номинальный владелец просто делает вид, что он всё ещё дворянин.

— Ну уж нет, братец, — прошептала я, чувствуя, как внутри закипает профессиональный азарт. — Если там осталась хоть одна незаложенная десятина земли, я её найду и заставлю работать на себя.

Глава 10

Я дождалась, пока в коридоре затихнут шаги прислуги. В доме воцарилась та вязкая, тяжёлая тишина, которая бывает в старых зданиях, где за внешним лоском скрывается гниль.

Выскользнула в коридор. Тихо. Михаил, судя по всему, отправился в свой клуб «отыгрываться», прихватив последние крохи из кассы. Варвара тоже наконец уехала к себе, оставив после себя лишь шлейф тяжёлых духов. Идеально.

Кабинет брата встретил меня запахом холодного табака и застарелой пыли. На массивном дубовом столе царил такой хаос, от которого у любого уважающего себя офисного сотрудника случился бы мгновенный инфаркт. Пачки бумаг, перевязанные серыми бечёвками, счета, письма, долговые расписки — всё это было свалено в одну живописную, но абсолютно бессмысленную кучу.

Я подошла к столу и наугад вытянула один лист. Счёт от портного за прошлый год. Под ним — нежный розовый конверт, явно любовное послание, а ещё ниже — расписка на две сотни рублей некоему графу Зотову…

— Боже мой, — прошептала я, глядя на это бумажное болото. — Он ведь даже не знает, что у него есть на самом деле.

Михаил ничего не ответил мне, когда я спросила про общую сумму долгов и сроки платежей. И теперь я понимала — не из вредности. Он просто физически не мог найти нужную цифру в этом хламе. Он тонул в собственной безалаберности.

Я попыталась найти хоть какой-то отчёт управляющего, но стоило мне сдвинуть одну стопку, как вся бумажная конструкция с шелестом посыпалась на пол. В одной куче на ковре перемешались государственные указы, уведомления из банка и чеки из булочной. Я опустилась на корточки, пытаясь разобрать хотя бы верхние листы, но тут же поняла: гиблое дело. Тусклый огарок свечи в моей руке дрожал, отбрасывая длинные прыгающие тени. Электричества в этом мире не будет ещё десятилетия, а работать при таком свете — значит испортить зрение быстрее, чем я сведу доход с расходом.

Я устало разогнула спину, вытирая испачканные в пыли пальцы о батистовый платок.

— Так, — прошептала я, оглядывая этот бумажный курган в неверном свете огарка. — Завтра первым делом иду в хорошую канцелярскую лавку. Куплю штук двадцать папок-скоросшивателей, нормальный дырокол, разделители по алфавиту… Наведу здесь порядок, создам структуру, составлю реестр кредиторов, и тогда мы посмотрим, кто кого.

Я уже почти видела эти аккуратные ряды папок на полках, когда свеча предательски мигнула и погасла, погрузив кабинет в непроглядную тьму. Но прежде чем уйти, я осмотрела все шкафы при свете луны. Ящики бюро, полки — всё было забито бумагами вперемешку так плотно, словно их заталкивали туда ногами.

Осторожно прикрыла тяжёлую дверь кабинета, стараясь, чтобы она не скрипнула.

Михаил — ленивый, неорганизованный ребёнок в теле взрослого мужчины. Он тонет в этом болоте просто потому, что ему недосуг дойти до магазина и купить нормальные канцтовары. Типичный мужской подход: проще завалить стол хламом, чем один раз потратить пару рублей на систему хранения.

«Ничего, Миша, — усмехнулась я про себя, возвращаясь в свою комнату. — Завтра твоя сестра принесёт сюда цивилизацию. Потрачу один золотой, зато спасу всё, что ты ещё не успел просадить в карты».

Я легла в постель, чувствуя приятную усталость человека, у которого наконец-то появился чёткий план действий. Завтра я куплю папки, разложу документы, найду информацию по Тепловке и пойму, сколько у нас на самом деле активов.

Глава 11

Утро началось с битвы.

— Катерина Михайловна, матушка, да как же без корсета-то? — Акулина стояла надо мной, держа в руках костяной «панцирь», похожий на орудие инквизиции. — Фигура же… расползётся! И платье не сядет, в талии вон сколько лишнего будет!

Я посмотрела на это сооружение из китового уса и шнурков с искренним отвращением. В прошлой жизни я считала пыткой узкие джинсы после новогодних праздников. Но это? Это добровольный отказ от дыхания и кровообращения.

— Нет, Акулина. Я иду за покупками, а не на бал. Дай мне платье, которое носят без корсета.

Акулина посмотрела на меня так, будто я попросила её достать с неба луну и подать к завтраку.

— Которое без корсета?.. — она запнулась, переводя взгляд с меня на шкафы. — Так ведь… только капот утренний, барышня. Или шлафор. Но в них же только по спальне ходить да кофий испить, пока умываетесь! Чтобы на улицу, да в лавки… Да нас же городовой остановит, решит, что у княжны рассудок помутился!

— Давай свой капот, — отрезала я. — И накидку какую-нибудь сверху. А то и правда в полицию загребут, — невесело усмехнулась я.

Через десять минут я стояла перед зеркалом. Нежно-голубой шёлковый капот, застёгнутый до самого подбородка, висел на мне мягкими складками. Без жёсткого каркаса корсета тело Катеньки казалось непривычно хрупким и… настоящим. Поверх Акулина накинула на меня тяжёлую шерстяную ротонду, которая скрыла отсутствие корсета, превратив меня в аккуратный тёмный колокол.

— Шляпку с вуалью. И перчатки, — бормотала ошарашенная горничная, подавая мне вещи. — Без них нельзя…

— Раз нельзя, значит, давай, — пожала я плечами, проверила в кармане золото и скомандовала: — Идём. И не вздыхай так, будто мы идём на эшафот. Мы идём за покупками.

Мы выскользнули через чёрный ход. Петербург встретил нас сыростью, криками разносчиков и грохотом колёс по мостовой. Я шла быстро, размашисто, как привыкла. Бедная Акулина едва поспевала за мной, испуганно прикрывая рот рукой всякий раз, когда на нас оборачивались редкие прохожие.

— Вот она, барышня! «Магазин писчебумажных и официозных принадлежностей Иванова», — выдохнула Акулина, указывая на солидную вывеску с золочёными буквами.

Я решительно толкнула тяжёлую дубовую дверь. Внутри пахло дорогой кожей, сургучом и старой бумагой. За прилавком стоял представительный мужчина в очках, который при виде меня сначала замер, а потом медленно, очень медленно поправил пенсне.

— Доброе утро, — бодро начала я, выкладывая на сукно прилавка золотой рубль. — Мне нужно двадцать папок-скоросшивателей, один дырокол и пачка разделителей с алфавитом. Чем плотнее будет картон, тем лучше, — сделала я скидку на древность.

Продавец моргнул раз. Потом другой. Посмотрел на монету, потом на мой домашний воротник, выглядывающий из-под накидки, потом снова на меня.

— Простите… что, сударыня? Папок… чего-с? И какой «прокол» вам угоден?

Я вздохнула, глядя на его недоумённое лицо.

— Папки-скоросшиватели, — повторила я медленнее, как иностранцу. — Картонные обложки, в которые вставляются листы бумаги. Но не просто лежат, а крепятся… ну, зажимами или шнурками через отверстия.

Продавец за прилавком выпрямился, и в его глазах блеснуло профессиональное достоинство, смешанное с жалостью к «бедной помешанной» барышне.

— Сударыня, полагаю, вы изволите спрашивать приспособления для шитья дел? — он вежливо поклонился и потянулся к полке. — У нас лучший выбор-с. Имеется шило стальное с костяной ручкой, очень острое, бумагу берёт в палец толщиной. И нити суровые, вощёные, дабы дело не рассыпалось. Коленкор для оклейки корешков тоже изволите?

Он с гордостью выложил передо мной на сукно… обычное сапожное шило и моток грубой верёвки.

Я замерла, глядя на этот «высокотехнологичный набор» и чувствуя, как внутри закипает профессиональная ярость. В моей прошлой жизни это называлось «подготовка архива к сдаче»: часы бессмысленного труда, мозоли на пальцах от иголки и проклятая суровая нить, которая вечно путается. Я-то думала, что оставила это средневековье в подвалах налоговой, а оказалось — я попала в его эпицентр.

— Шило… — прошипела я, едва сдерживаясь. — И каждый раз, когда мне нужно будет добавить один несчастный лист в середину папки, я должна буду всё это распарывать и шить заново?

Продавец вежливо склонил голову, явно не понимая, в чём проблема.

— Помилуйте, сударыня, порядок-с! В Сенате так десятилетиями шьют, и в канцеляриях министерских. Прошил, концы сургучом припечатал — и в архив. Надёжно-с! А ежели листы туда-сюда таскать, так это уж не дело, а хаос получится.

— Хаос у моего брата на столе, — отрезала я. — А мне нужна система.

Я поняла: купить готовое решение не получится. Этот мир ещё не дорос до элементарного удобства. Они строят железные дороги, отливают пушки, но продолжают дырявить бумагу инструментом для сапог.

— Так, — я решительно отодвинула шило в сторону. — Дайте мне самый плотный пресс-шпан. Картон, говорю, самый жёсткий. Листов двадцать. И шнуры… нет, не эти лохматые верёвки. Дайте тонкую кожаную тесьму или шёлковый шнур, который не махрится.

Продавец, почувствовав запах денег, засуетился.

— Картон лучший имеется, сударыня! Английский, калиброванный. И тесьма шёлковая, из Парижа-с, для альбомов дамских…

— Давайте ваш «дамский» шнур и картон, — я бросила на прилавок золотой. — И скажите мне, голубчик, где тут поблизости найти хорошего слесаря? Такого, чтобы руки из плеч росли и мог нужную железку выточить.

Мужчина за прилавком окончательно потерял нить разговора.

— Слесаря?.. Сударыня, вы верно изволите шутить… Зачем же благородной даме к слесарю?

— Чтобы он создал инструмент, который избавит меня от вашего проклятого шила, — ответила я, дождавшись, пока он отсчитает сдачу — гору серебра и меди, которую я тут же ссыпала в мешочек.

Я вышла из лавки. Акулина семенила следом, прижимая к себе свёрток с картоном и причитая под нос:

— Барышня, да какой слесарь, да зачем же картон портить… Дома-то малина с чаем ждёт, а мы по кузням…

Я её не слушала. В голове уже крутилась схема простейшего рычажного пробойника. Если я сделаю две дырки в картоне и продену шнур так, чтобы его можно было развязать за секунду, — я получу прототип скоросшивателя.

— Идём, Акулина. Нам нужен дырокол. Иначе я в этом бумажном болоте не выплыву.

Глава 12

Петербург бил в лицо сыростью и оглушал грохотом кованых колёс по гранитной мостовой. Я шла быстро, игнорируя лужи, а бедная Акулина семенила следом, едва успевая придерживать свёрток с «английским калиброванным картоном».

— Барышня, да куда же вы так несётесь? — причитала она мне в спину. — И ротонда-то у вас на один бок съехала, и шляпка… Ох, увидят знакомые — вовек не отмоемся!

— Не увидят, — отрезала я, сканируя глазами вывески. — Всем недосуг, Акулина. У каждого свой дебет с кредитом не сходится.

Нам нужна была мастерская. Не огромный завод и не кузня, где подковывают лошадей, а место, где умеют работать с металлом тонко. Я читала вывески, словно ребусы: «Булочная Эккерта», «Модный магазинъ мадамъ Жужу», «Аптека Штольца»…

На углу Гороховой я увидела золочёное пенсне, висящее над дверью. Оптика и часы. То, что нужно.

— За мной, — скомандовала я и толкнула дверь.

Внутри было тихо, пахло канифолью и чем-то кислым. Пожилой часовщик в чёрном халате, похожий на мудрого сверчка, поднял голову от микроскопических шестерёнок.

— Добрый день. Простите, я, кажется, ошиблась дверью, — я обворожительно улыбнулась, включая всё обаяние юной княжны. — Мне нужно заказать одну небольшую железную вещицу… Механизм, но не для часов. Скорее, для бумаги. Не подскажете, есть ли поблизости мастер, который берётся за такие… странные заказы?

Часовщик поправил лупу на лбу и вежливо поклонился.

— Для бумаги, сударыня? Если вам нужен пресс для тиснения вензелей, так это к граверу на соседнюю улицу. А если что посложнее — идите к мастеру Шмидту. Три дома отсюда, вывеска с ключом. Он человек ворчливый, но руки у него золотые. Любую шестерёнку выточит, хоть для чёрта, хоть для ангела.

— Благодарю вас, вы очень любезны, — я кивнула и потянула Акулину к выходу.

— Видишь? — шепнула я горничной, когда мы снова оказались на тротуаре. — Нужно просто знать, у кого спросить.

Через три дома я увидела то, что нужно: «Механическая мастерская Карла Шмидта. Ремонтъ всякаго рода машинъ и инструментовъ».

Внутри было тесно и душно. Пахло машинным маслом. На верстаке, подслеповато щурясь через линзу, пожилой мужчина в кожаном фартуке ковырялся в нутре массивного замка.

— Добрый день, — я шагнула к верстаку, стараясь не задеть пышным подолом ротонды какую-то маслёнку. — Вы мастер Шмидт?

Мужчина поднял голову. Глаза его за линзами казались огромными и удивленными.

— К вашим услугам, сударыня. Если замок починить или весы аптечные — это ко мне. А ежели часы, так это к соседу, через две двери.

— Нет, мне к вам… Но мне не нужно чинить, мне нужно сделать. Одну железную вещицу.

Я подошла к верстаку и, не обращая внимания на взгляд мастера, который говорил, мол, ходят тут всякие, от дела отвлекают, начала показывать на пальцах, что именно мне нужно.

— Представьте себе пресс. Маленький. Сверху — рычаг. А внизу — два острых стальных штыря, полых внутри, как трубки. Нажимаешь — и они прокусывают в бумаге две дырочки. Чисто и аккуратно.

Шмидт отложил замок и озадаченно почесал затылок.

— Пробойник, что ли, барышня? Так для кожи щипцы есть. А бумагу то зачем прессом мучить? Она ж тонкая, её и шилом…

— Шилом неровно, — я перебила его, понимая, что лучше сыграть на женском желании получить красивости, чем объяснять, почему шило — не вариант. — Мне нужно, чтобы дырки всегда были на одном расстоянии. Вот на таком, — я приложила два пальца к верстаку. — И чтобы листы потом можно было нанизать на шнурок. Понимаете? Как бусы, только из бумаги.

Мастер хмыкнул, взял кусочек мела и чиркнул на верстаке схему — тяжёлое основание, дуга, рычаг.

— Сделать-то можно… Литьё подберём, трубки заточим. Только работа пустая, барышня. И, ей-богу, странная. Три рубля серебром возьму за возилово.

— Три рубля — цена справедливая, — я выложила на верстак два серебряных целковых из сдачи. — Вот залог. Послезавтра я приду за заказом. Сделайте на совесть, мастер.

Шмидт посмотрел на серебро, потом на мой решительный взгляд. В его глазах читалось явное: «Богатые тоже плачут, но как-то очень по-своему».

Я вышла из мастерской с чувством маленькой победы. Прототип заказан.

— Барышня, — робко подала голос Акулина, семеня следом, — три рубля-то… Это ж сколько пирожных можно было купить! Или лент атласных. А вы — на железку непонятную…

— Ленты нас не прокормят, Акулина, — я ускорила шаг, направляясь к дому. — Эта железка поможет нам разобраться, сколько у брата осталось долгов… А может быть, — я невольно улыбнулась, ощутив внезапное озарение, — она сделает меня по-настоящему богатой.

А ведь и правда… Если даже в Сенате высокопоставленные чиновники мучаются от тех же проблем, что и мой непутёвый брат, то папки-скоросшиватели должны прийтись им по вкусу. Может, не сразу. Может, консерваторы и поворчат. Но у меня есть один очень высокопоставленный знакомый, который может поспособствовать появлению моды на порядок в документах.

И это не будет продажей тела или использованием связей в низком смысле. Это будет взаимовыгодная сделка. Я облегчу ему жизнь, избавив от бумажного хаоса, а он обеспечит мне рынок сбыта. «B2G» — бизнес для государства. В моём времени на этом делались состояния, почему бы не повторить это в девятнадцатом веке?

Глава 13

Едва я переступила порог нашего дома, как на меня коршуном налетела Варвара. Она явно караулила меня в холле, меряя шагами ковёр. Увидев мой «ансамбль» из домашнего капота и шерстяной ротонды, она замерла, и её лицо пошло пятнами.

— Катя! Ты… в чём ты была на улице?! — её голос сорвался на визг, но она тут же осеклась, заметив Акулину со свёртком картона. — Боже мой, если тебя кто-то видел… Это же скандал! Позор на весь Петербург!

Я молча прошла мимо неё, направляясь к лестнице. Подол мокрого капота неприятно отяжелел и шлёпал по ступеням, оставляя грязные следы.

— Успокойся, Варвара. Никто не умер. Я просто совершила необходимую закупку. Акулина, отнеси картон ко мне в комнату и приготовь чаю.

Варвара засеменила следом, шурша юбками и не замолкая ни на секунду. Она буквально ворвалась за мной в мою спальню, плотно притворив дверь. Её гнев мгновенно испарился, стоило нам остаться один на один. Резко сменив тон, она выудила из муфты плотный запечатанный конверт. Пальцы её дрожали.

— Он… он прочитал, — прошептала она, протягивая мне послание. — И велел передать лично в руки. Катя, ты понимаешь? Лично!

Я приняла письмо с таким видом, будто мне принесли уведомление из налоговой. Спокойно. Холодно. Варвара замерла, ожидая, что я тут же вскрою конверт и начну рыдать от счастья, делясь с ней каждой строчкой.

— Спасибо. Можешь идти, — я убрала конверт в карман, даже не взглянув на него.

— Как это — идти?! — она едва не задохнулась. — Катенька, душа моя, там же судьба твоя решается! И наша… общая судьба! Что он пишет? Он разгневан? Или, напротив, милостив?

— Я прочитаю его позже, наедине, — отрезала я. — А пока мне нужно переодеться. А это платье я безнадёжно испортила.

Я бросила взгляд вниз. Нежно-голубой шёлк капота, выглядывающий из-под ротонды, потемнел от влаги и покрылся уродливой каймой из петербургской грязи. Подол был тяжёлым, мокрым и теперь буквально подметал паркет моей комнаты, оставляя на нём серые разводы.

«Господи, какая дикость, — пронеслось в голове. — Никаких стиральных машин, никакой химчистки, а они шьют платья, которыми можно мыть мостовые. Сколько человеко-часов Акулина потратит, чтобы оттереть это щёткой? Совершенно неэффективная мода».

Варвара проследила за моим взглядом и чуть не лишилась чувств.

— Боже… Катя! Твой подол! Ты выглядишь как… как прачка после смены! Если кто-то из знакомых увидел тебя в таком виде — нам конец! Михаил просто сгорит от стыда!

— Михаил сейчас занят тем, что сжигает наши деньги в дыму игорного азарта, так что за его чувства я бы не переживала, — я стянула перчатки, чувствуя, как вуаль шляпки липнет к лицу от сырости. — А теперь оставь меня. Я хочу побыть одна.

Я дождалась, когда возмущённая Варвара исчезнет, и только тогда вскрыла конверт. Пальцы чуть подрагивали — сорокалетний опыт пасовал перед химией молодого тела.

Почерк был неровным, летящим: человек явно торопился или волновался. Буквы прыгали по странице, будто не могли усидеть на месте.

— «Пожалуйста», — эхом отозвалась я, прижимая листок к груди.

Бумага ещё хранила тепло чьих-то пальцев, а чернила слегка пахли сандалом — видимо, он писал в кабинете, где горели ароматические палочки.

Сорок лет опыта подсказывали мне, что мужчина, добавляющий «пожалуйста» в конце приказа, уже наполовину обезоружен. Он не ждал от меня покорности, он ждал спасения. В этом коротком слове было больше искренности, чем во всех придворных речах за год.

Я довольно хмыкнула и, сложив записку, спрятала её обратно в карман. Значит, 18 апреля. У меня есть ровно две неделя. Очень хорошо… можно не спеша заняться своими делами. Хотя, конечно, в глубине души я надеялась на скорую встречу. Видимо, у императора, очень большие сложности со свободным временем.

Дверь приоткрылась — Варвара всё-таки не выдержала и просунула нос в щель.

— Ну? Катя? Не томи! Что там? Нам готовить приданое или сухари сушить?

Я посмотрела на неё с лёгкой усмешкой.

— Пишет, что соскучился. И просит зайти на чай.

— На чай?! В Зимний?! — Варвара чуть не осела на пол. — Катя, это… это триумф! Нужно немедленно ехать к модистке! Шёлк, бархат, бриллианты… Михаил заложит последние часы, но ты должна сиять!

— Никаких модисток, — я встала и направилась к лестнице. — Сиять я буду умом и обаянием молодости. А пока… оставь меня, — повторила я. — Я хочу побыть одна.

И добавила про себя, что пока мне нужно навести порядок в документах брата. У меня слишком много планов на эту неделю, чтобы тратить время на примерку кружев.

Глава 14

Я только-только разложила на полу листы картона и примерила шёлковый шнурок к первой самодельной обложке, как дом содрогнулся. Входная дверь хлопнула так, что зазвенели подвески на люстре, а в коридоре раздался топот сапог Михаила.

— Катя! Катерина! — брат ворвался в комнату, не стучась. Лицо его было белым, как мел, а руки мелко дрожали. — Ты слышала? В него стреляли! У самых ворот Летнего сада!

Я замерла с ножницами в руках. Сердце пропустило удар.

— В него? В Александра Второго? — я медленно поднялась. — Он… жив?

— Жив, слава Богу, жив! — Михаил сорвал с себя цилиндр и бросил его на кровать. — Пуля мимо прошла. Какой-то подлец целился в упор, да мужик из толпы руку отвёл. Весь город на ушах! Жандармы хватают всех без разбору.

Я опустилась на пуф, чувствуя, как внутри всё холодеет. Письмо в кармане капота, пахнущее сандалом, вдруг стало невыносимо тяжёлым. Всего пару часов назад он писал мне, планировал встречу… а теперь в него стреляли.

— Где он сейчас? — спросила я, стараясь вернуть себе способность мыслить здраво. — Во дворце? Оцепление выставили? Врачи осмотрели?

Михаил посмотрел на меня как на умалишённую.

— Какой дворец, Катя?! Он в Казанский собор поехал! Благодарственный молебен служить! Там толпа — яблоку упасть негде, все плачут, крестятся… Государь среди народа, руку каждому даёт поцеловать!

У меня в глазах потемнело.

— В собор? Среди толпы? — я вскочила, едва не наступив на свой драгоценный картон. — Но ведь там может быть второй стрелок! Или сообщники! Михаил, это же бред! Нужно немедленно оцепить периметр, ввести план «Перехват», заблокировать входы и выходы! Его должны были в бронированную карету… то есть просто в закрытую карету и под охрану гвардии — за стены дворца!

Брат уставился на меня в полном недоумении.

— Катя, что ты несёшь? Какой перехват? Государь спасён чудом Господним, он обязан явить себя народу! И охраны там — весь город, все жандармы…

— Жандармы, которые только что проспали выстрел в упор? — я почти кричала, меряя комнату шагами.

Сорок лет опыта в мире, где за безопасность первых лиц отвечают целые институты, кричали во мне о катастрофе. Идти в толпу сразу после покушения? Без бронежилета, без проверки территории, без зачистки? Это была не просто дикость, это было полное отсутствие инстинкта самосохранения.

— Успокойся, — Михаил попытался взять меня за плечи, но я отстранилась. — Всё уже закончилось. Злодей схвачен. А ты… ты сиди дома. И приведи себя в чувство, Катя.

Он замолчал, глядя на меня с какой-то странной, лихорадочной надеждой. В его глазах отражался весь тот хаос, который творился сейчас в его голове: страх за сорванные планы, облегчение, что император жив, и нетерпение, которое он едва сдерживал.

— Пойми же, — он заговорил тише, и голос его дрогнул. — Это чудо, что Господь его уберег. Истинное чудо. Но теперь… теперь всё изменится. После такого потрясения он будет искать тепла, верности. Тех, кто не предаст. Нам нельзя упускать этот момент, Катя. Понимаешь? Это знак свыше для всех нас. И для тебя, и для нашей фамилии.

Он бросил быстрый взгляд на мой заляпанный чернилами палец и гору картона, и в его глазах промелькнуло раздражение, тут же сменившееся почтительной осторожностью.

— Оставь эти свои занятия, не время сейчас… для рукоделия. Ты должна сиять, должна быть готова, если… когда он призовет. Приличия, конечно, превыше всего, и я не смею… — он замялся, подбирая слова, чтобы не переступить черту. — Я лишь говорю: не прояви холодности сейчас, когда сердце Его Величества так нуждается в утешении. Не подведи нас, сестрица… Иначе кредиторы нас по миру пустят! — закончил он почти шёпотом, и в этом шёпоте было столько жалкой, корыстной паники, что у меня внутри что то окончательно лопнуло.

Вспышка ярости была такой мгновенной и острой, что я сама от себя не ожидала.

— Убирайся, — я сделала шаг к нему, и, кажется, вид у меня был такой, что Михаил невольно отшатнулся. — Убирайся вон из моей комнаты!

— Катя, что ты…

— Ты слышал?! — я почти выкрикнула это, чувствуя, как горят щёки. — Человека чуть не убили! Человека, который пишет мне письма, полные боли и одиночества! А ты стоишь здесь и пересчитываешь его жизнь на свои карточные долги? Тебе не стыдно?!

Брат открыл было рот, пытаясь вернуть себе облик строгого главы семьи, но я не дала ему вставить ни слова.

— Если ты ещё раз, хотя бы намёком, посмеешь заговорить о том, что я «должна» сделать для твоего кошелька, я уеду. Клянусь, я заберу Акулину и уеду в Тепловку, и ты будешь сам объясняться и с жандармами, и со своими ростовщиками, и даже с Ним! Вон!

Михаил попятился, глядя на меня с неприкрытым ужасом. В его картине мира тихие младшие сёстры не могли так кричать. Они не могли так смотреть — прямо, жёстко, как смотрят люди, привыкшие принимать решения за сотни подчинённых. Он выскочил за дверь, даже не потрудившись её закрыть, и я услышала, как он почти бегом спускается по лестнице.

Я захлопнула дверь сама и привалилась к ней спиной, пытаясь унять дрожь в руках. А потом обессиленно сползла по двери и села на пол… И, прикусив губу, чтобы сдержать закипевшие слёзы, язвительно прошептала:

— Поздравляю, Катя. Ты только что с треском провалила свой первый рабочий день.

Я ведь воображала себя здесь самым умным кризис-менеджером, которого высшие силы наняли, чтобы спасти Россию. Планировала «экспансию», считала копейки, строила бизнес-схемы на десятилетия вперёд… А в это время реальный кризис — самый страшный, необратимый — стоял у меня за спиной в Летнем саду.

Я так увлеклась тем, что смогла увидеть в Александре просто человека, что напрочь забыла: он не просто человек. Он — центр огромной, скрипучей и крайне опасной системы. Я позволила себе роскошь сочувствовать «Саше» и его одиночеству, в то время как должна была оценивать риски для Императора.

«Ты не менеджер, Катя. Ты — восторженная идиотка», — безжалостно хлестнула я себя мысленно. В моём времени за такую потерю бдительности увольняют без выходного пособия. Я забыла, что в этом веке политика делается не в отчётах, а свинцом и порохом.

Я посмотрела на свои руки, испачканные в чернилах и пыли от картона. Больше этого не повторится. Теперь я буду смотреть не только на то, что у него в душе, но и на тяжёлую корону на его голове. Буду видеть и мужчину, который мне дорог, и монарха, чья жизнь — залог спокойствия всей страны.

Я буду смотреть на всё.

Глава 15

Я всё ещё сидела на полу, прислонившись спиной к двери, когда в коридоре раздались робкие шаги. В дверь не постучали — скорее, тихо поскреблись, и приглушённый, дрожащий голос Варвары позвал:

— Катя… Катенька, пусти меня, Христа ради.

Я вздохнула, вытирая лицо ладонями, и поднялась, чтобы отпереть замок. Варвара буквально ввалилась в комнату. Вид у неё был плачевный: глаза опухли от слёз, нос покраснел, а нарядная шляпка съехала набок. Стоило двери закрыться, как она бросилась мне на шею.

— Отвёл Господь руку… — всхлипывала она, не заботясь о том, что пачкает мои плечи слезами и белилами. — Катенька, страх-то какой! Я как представила… Он ведь для всех нас — как солнце. Как же можно, чтобы на него — и с железом?! Рука ведь не дрогнула у ирода…

Я замерла, уже готовая выдать очередную ледяную отповедь о «безопасности» и «планах», но слова застряли в горле. В Варваре не было той лихорадочной, жадной паники, которую источал Михаил. Она не причитала о кредиторах и не выгадывала выгоду. Она просто плакала от искреннего ужаса перед тем, что на Императора, на саму основу их мира, кто-то посмел поднять руку. Для неё это было крушением небес, святотатством, которое физически больно осознавать.

Эта бесхитростная горечь меня обезоружила. Я осторожно погладила её по спине, позволяя выплакаться.

— Тише, Варвара, тише. Он жив. Всё обошлось.

— Да… жив, слава Создателю, — она отстранилась, судорожно ища платок. — Прости, Катенька. Поеду я к себе… Совсем мочи нет. Как колокола запели, так у меня и ноги подкосились. Не могу я сейчас в людях быть.

Она уехала вся зарёванная, кутаясь в шаль, и я видела из окна, как её карета тронулась в сумерках. Вскоре после неё из дома вылетел и Михаил — я знала, что он укатит в клуб топить свой страх в питье и картах.

Дом затих. И вот тогда я поняла, что сна не будет. Мой мозг, застрявший между ужасом от покушения и инстинктом самосохранения, требовал деятельности. Ждать я уже не могла. Мочи не было… совсем как у Варвары. Только ей в её отчаянии хотелось плакать, а мне — работать. В моём прошлом мире это называли сублимацией, а здесь это был единственный способ не сойти с ума от неизвестности.

Я зажгла свечу и, набросив шаль, отправилась в кабинет брата. Пора было заканчивать с лирикой и переходить к инвентаризации хаоса.

Кабинет встретил меня запахом холодного табака и застоявшегося беспорядка. Я поставила подсвечник на массивный стол, заваленный бумагами так, будто здесь пронёсся небольшой смерч.

— Ну, начнём, — пробормотала я, закатывая рукава и глядя на эти завалы как на личного врага.

Читать всё подряд при неверном свете одной свечи было трудно, но мне и не требовался глубокий анализ. Нужно было просто классифицировать этот бардак. Я расчистила край стола и принялась за работу.

В первую стопку летели документы со штампами, гербами и суровыми цифрами — «Сверхважное». Векселя, долговые расписки, банковские уведомления. От одного взгляда на проценты мне захотелось снова сесть на пол, но я только сжала зубы.

Во вторую ложилось то, что я пометила как «Важное»: письма управляющих, отчёты из Тепловки и какие-то судебные извещения.

А в третью — самую внушительную кучу — я безжалостно сметала весь «административный шум». Любовные записки на розовой надушенной бумаге, карточки приглашений на балы столетней давности, визитки сомнительных личностей и меню из ресторанов. Их было так много, что они буквально душили важные бумаги, а на полу образовалась гора высотой почти по колено.

— Невероятно, — пробормотала я, выуживая из-под серьёзного счёта за фураж очередной конверт с засушенным лепестком. — У человека дом вот-вот опишут, а он хранит приглашения на ужины, которые съели ещё в позапрошлом сезоне.

Этот бардак был лучшим диагнозом Михаилу как главе семьи. Он жил в мире, где проблемы рассасываются сами собой, если их хорошенько засыпать надушенными карточками. Судя по количеству любовной чепухи, мой брат тратил на «куртуазность» гораздо больше времени, чем на изучение собственных долговых обязательств.

Работала я быстро, почти механически. Кучка «важного» росла, и вместе с ней росло моё понимание катастрофы. Когда последний розовый конверт отправился в стопку хлама на полу, я выпрямилась, чувствуя, как ноет спина.

Теперь точно знала: в этом доме ворует не только приказчик в Тепловке, здесь саму жизнь ворует хаос. Но теперь у этого хаоса появились границы. Три аккуратные стопки на столе против горы мусора у моих ног.

За окном начинал брезжить серый петербургский рассвет 5 апреля 1866 года. А на изящной бронзовой пирамидке вечного календаря на краю стола застыла совсем другая дата — «14 июля»… Какого года? Прошлого или позапрошлого? Неизвестно. Михаил купил дорогую игрушку, поставил её для солидности и ни разу не перевернул лист. В этом был весь он. В этом была вся эта империя: застывшая, красивая и совершенно не замечающая, что время вокруг неё давно изменилось.

Глава 16

За обедом Михаил был невыносим. Воодушевлённый утренним молебном во спасение государя и тем, что «жизнь налаживается», он вещал о величии империи, размахивая ножом с куском ветчины.

— Видела бы ты это, Катя! Весь город — как один человек. Нас теперь завалят милостями, вот увидишь. Государь не забудет тех, кто был рядом в такой час.

Я сидела напротив, прямая как струна. Чай в моей чашке давно остыл, но я к нему не притронулась. Пустая велеречивость Михаила не успокаивала — она меня раздражала. Но он принимал мою неподвижность за смирение, а мой холодный взгляд — за последствия вчерашнего испуга.

— Ты сегодня на редкость молчалива, — наконец заметил он, что я не разделяю его восторга. — Всё ещё бледная. Ох уж эти женские нервы… Ничего, распоряжусь, чтобы тебе подали чего-нибудь укрепляющего. И брось ты этот свой картон, — кивнул он на мои пальцы, покрытые белёсой коркой засохшего клейстера, к которой местами прилипли ворсинки серого пресс-шпана. — Право слово, Катя. Займись чем-нибудь приличным: скоро визиты начнутся, нужно соответствовать. А ты копаешься в пыли, как мастеровая.

Я медленно подняла на него глаза. Внутри всё кипело от его покровительственного тона, но я сдержала гнев.

— Мои «нервы», Михаил, в полном порядке, — ответила я ровным, ледяным тоном. — В отличие от твоих счетов. И если ты считаешь, что один молебен спишет твои долги, то ты ошибаешься.

Брат поперхнулся ветчиной и уставился на меня в полном недоумении. Для него я всё ещё была той самой Катенькой, которая должна была кивать и вдохновляться его рассказами о величии.

— Катя! Что за тон? Не девичье это дело — поминать векселя за обедом. Я сам всё улажу, когда придёт время.

— Времени у тебя нет, — отрезала я, поднимаясь из-за стола. Глядя на его сытое, самодовольное лицо, я поняла, что никакие логические доводы сейчас не сработают. Ему нужен был наглядный пример катастрофы. — Приятного аппетита, брат.

Я вышла из столовой, спиной чувствуя его озадаченный взгляд. Пусть думает, что хочет. Мне всё равно. Пока он строил воздушные замки на фундаменте из благодарственных псалмов, я собиралась строить реальную крепость.

Вернулась в свою комнату и закрыла дверь на засов. После того как мы с Акулиной перенесли стопки «сверхважных» и «важных» документов ко мне, здесь тоже воцарился хаос. Но хаос совершенно иного рода — упорядоченный, рабочий, какой бывает в бухгалтерии в разгар отчётного периода.

А чтобы Михаил не заподозрил ничего раньше времени, я рассовала «административный мусор» — все эти розовые конверты и старые приглашения — по всем полкам и свободным ящикам. Если брат вдруг заглянет, он увидит лишь горы привычного ему хлама. Он и не догадается, что вся реальная документация семьи переехала в мою комнату.

Я не собиралась даже намекать ему, что собиралась изучить финансовое положение семьи и подумать о том, как выбираться из долговой ямы. Нет, Михаилу нельзя знать, что я взяла на себя ответственность за решение финансовых проблем: иначе он тут же весело и радостно подкинет мне ещё пачку свеженьких векселей. Пока долги и страх перед кредиторами держат его траты хоть в каких-то рамках, я буду молчать.

Пропустить что-то важное, потеряв в хаосе бумажного мусора какой- нибудь новый документ, я не боялась. За ту ночь я не успела изучить цифры, но успела понять повадки брата. Я

заметила, что самые свежие бумаги — счета из ресторанов, новые долговые расписки, записки от кредиторов и отчёты — всегда лежали в верхнем ящике его стола. У Михаила была привычка просто бросать их туда, не глядя. А когда ящик переполнялся и переставал закрываться, он, чертыхаясь, выгребал всё содержимое и перекладывал на какую-нибудь полку, где бумаги окончательно погибали под слоем пыли. И если я буду следить за этим ящиком, я не пропущу ни одного важного документа. Михаил сам будет поставлять мне информацию, даже не осознавая этого.

Весь остаток дня я провела в делах: раскладывала документы по видам и датам. Пока в содержание особенно не вникала — нужно было просто создать картотеку. В перерывах между сортировкой я клеила папки. Пальцы от клейстера стали липкими, кожа неприятно стянулась, а под ногти забилась бумажная пыль. Спина ныла, глаза горели от усталости: за последние сутки мне удалось поспать всего пару часов, но сон не шёл. Адреналин и азарт от найденной «чёрной дыры» в бюджете гнали меня вперёд.

Вечером, когда за окном снова сгустились сумерки, в дверь постучали. Это была Варвара. В комнату я её впускать не стала, сказала, чтобы ждала меня в гостиной.

Когда я спустилась вниз, она привычно приготовилась взять на себя роль утешительницы и наставницы, словно забыв, что вчера я чётко указала ей место рядом с собой. И сегодня я снова не дала ей даже шанса начать этот спектакль.

— Варвара, мне не нужны сплетни и твои уговоры. Мне нужны факты. Как официально оформить передачу полномочий от брата ко мне? Чтобы и те, кому он должен, и те, кто работает на нас, говорили со мной как с законным представителем?

Она замерла на полпути, удивлённо приподняв брови. Такого тона от «милой Катеньки» она не слышала никогда.

— Ты какая-то… другая сегодня, Катя. Слишком серьёзная. Михаил сказал, что ты расстроена, но я вижу, что ты скорее… в гневе?

— Я в реальности, Варвара, — я на миг закрыла глаза. — И я повторю свой вопрос: можно ли официально оформить передачу полномочий от брата ко мне? Доверенность какую нибудь выписать. Чтобы со мной говорили как с законным представителем рода Долгоруковых?

Варвара осела в кресло, напрочь забыв о своей роли «старшей подруги». Моя прямота и холодность выбили её из колеи.

— Доверенность? Это называется «верющее письмо», Катя. Но зачем тебе брать на себя управление? Ты, Катя, хоть понимаешь, как это звучит? Ты женщина. Михаил — глава семьи. Никто в Петербурге не станет иметь с тобой дел.

— Станут, если им это будет выгодно, — отрезала я. — Я не собираюсь спрашивать разрешения у общества. Мне достаточно юридической возможности.

Она помедлила, поправляя шаль, уже не как наставница, а как союзница.

— Но ты же понимаешь своего брата. Для него подписать такую бумагу — значит признать себя никчёмным. Он скорее позволит дому сгореть, чем отдаст ключи женщине.

— Это уже моя забота, — я едва заметно улыбнулась.

Варвара поднялась. Она явно хотела что-то добавить, по привычке поучить меня жизни или посоветовать «быть мягче», но, взглянув на моё лицо, сказала совсем другое:

— Я, пожалуй, пойду… Дай знать, если тебе что-то понадобится.

Варвара уже направилась к дверям, когда я окликнула её:

— Постой. Еще кое-что.

Я достала из кармана тяжелый конверт. Я писала его урывками всю ночь, выплескивая на бумагу мысли, которые не давали мне покоя. Сначала хотела сжечь, потом — переписать «как положено», с поклонами и официозом, но в итоге оставила всё как есть. Самое сокровенное и прямое. Долго колебалась, стоит ли вообще это отправлять, не слишком ли это… обнаженно? Но сейчас, глядя на Варвару, я поняла: полумеры не спасут ни меня, ни Сашу.

— Передай это ему. Лично.

— Ему?

Я кивнула. Варвара чуть помедлила. Стоя рядом со мной, повздыхала и направилась к выходу. Может быть, она ждала, что я стану уговаривать её остаться? Наверное. Но мне уже было не до неё. У меня ещё оставались неразобранными половина документов. И впереди меня снова ждала бессонная ночь. Ещё одна.

Глава 17

Рассвет застал меня в состоянии, близком к трансу. На столе, среди чашек с остывшим чаем и обрезков картона, лежала сводная ведомость всех долгов Михаила.

В моём прошлом мире я бы свела эти данные в таблицу за десять минут, но здесь мне пришлось совершить настоящий подвиг усидчивости. Поскольку тяжёлые деревянные счёты в углу кабинета оставались для меня набором бесполезных костяшек, я считала в столбик, как в начальной школе.

Ведомость получилась внушительной. Я тщательно выписывала каждую позицию: от копеечных, но кусачих счетов лавочников за мясо и колониальные товары до долговых расписок за фураж и, наконец, тяжёлых гербовых векселей. Мой профессиональный взгляд цеплялся за имена и цифры, выстраивая иерархию катастрофы.

Михаил умудрился задолжать всем: портным, рестораторам, сослуживцам и крупным ростовщикам. Список кредиторов растянулся на два листа, и некоторые фамилии в нём повторялись пугающе часто. Итоговая сумма внизу была обведена двойной чертой: сорок восемь тысяч семьсот сорок два рубля.

Почти пятьдесят тысяч. В мире, где корова стоит пять рублей, это было целое состояние. Целое состояние, спущенное на шампанское, цыган и «верные ставки» в клубе. Это был не просто долг — это была петля, которая уже начала затягиваться.

В дверь коротко постучали.

— Барышня, от немца-слесаря… — Акулина внесла тяжёлый свёрток.

Я вручила горничной рубль для расчета и быстро развернула мешковину. Тяжёлый, пахнущий машинным маслом и калёной сталью, пробойник блеснул в лучах утреннего солнца. Это было моё единственное современное оружие в этом веке. Я положила свою ведомость поверх стопки долговых обязательств и с наслаждением нажала на рычаг, прошивая их насквозь.

Щёлк.

Звук был сухим, механическим, но для меня он звучал как музыка будущего порядка и отдалённый звон монет, который прямо сейчас стал на шаг ближе. Я вдела в ровные дырочки «дамский» шнур, крепко завязала и с удовлетворением закрыла папку… Теперь ничего не потеряется.

Встала, чувствуя, как внутри расправляется пружина. Спина отозвалась острой болью, но я её проигнорировала. Пора было идти в столовую. У меня в руках был «приговор», который должен был разбить вдребезги всю самоуверенность Михаила. И тогда мне нужно будет только слегка надавить на него, чтобы он поступил так, как надо мне.

Михаил сидел в гостиной и делал вид, что читает газету. А на самом деле дремал в ожидании обеда.

Я вошла в гостиную, не скрывая шагов. Папка в моих руках казалась весомее любого оружия. Михаил вздрогнул, газета сползла с его колен, обнажая заспанное лицо и чуть помятый воротник рубашки.

— А, Катя… — он зажмурился от яркого солнечного света. — Что, уже обед? Что-то ты рано сегодня. И вид у тебя… решительный.

Я не стала садиться. Просто подошла к столу и положила перед ним папку. Сухо, без лишних реверансов.

— Это не обед, Михаил. Это твоя жизнь, выраженная в цифрах.

Он нахмурился, глядя на обложку, словно та могла его укусить.

— Опять ты за своё? Катенька, ну право слово, я же просил…

— Посмотри на итог, — я перелистнула страницу, указывая на цифру «48742». — Это сумма, которую ты должен Петербургу. Почти пятьдесят тысяч. Ты понимаешь, что это значит? Это значит, что ты банкрот. Полный и окончательный.

Брат побледнел. Сонливость мгновенно слетела с него, уступив место тому самому жалкому выражению, которое я уже видела вчера. Он уставился на ведомость, губы его задрожали.

— Сорок восемь тысяч… — пробормотал он. — Но как? Я ведь… я ведь записывал… Там не могло быть столько!

— Ты записывал только то, о чём хотел помнить. А я собрала всё: от твоих «долгов чести» до неоплаченных счетов за сапоги. Ты дурак, Михаил. Ты умудрился проиграть не только своё будущее, но и моё.

Я швырнула ему поверх папки тот самый счёт, на котором было размашисто написано, что шёлка мне в долг больше не отпустят.

— Посмотри на это! Как мне теперь заказывать наряды? Как договариваться с модистками, если при виде твоего имени они захлопывают перед моим носом двери? Варвара ведь сказала тебе, император позвал меня на чай!

— Я… я часы заложу! — залепетал он, краснея. — Куплю тебе всё, что нужно, Катенька. Лионский бархат, кружева…

— Часы? — я язвительно вскинула бровь. — И сколько у тебя тех часов? На один рукав хватит? Или ты хочешь, чтобы я в одном и том же платье на все свидания ходила? Чтобы я облезлой курицей выглядела на фоне других дам? Нищета скучна, Миша. Она отталкивает. Он посмотрит на меня один раз, увидит поношенный подол и больше никогда не вспомнит, как меня зовут.

Михаил судорожно сглотнул. Я видела, как в его голове крутятся шестерёнки: образ сестры-замарашки, разрушающей его мечты о милостях государя, был для него невыносим.

— Но что же делать? — пробормотал он. — Денег нет…

— Я же сказала: лавочники видят твоё имя и сразу отказывают, — отрезала я, подаваясь вперёд. — Но если счета будут на моё имя, они не откажут. Я договорюсь с ними. Я объясню, что отныне за свои заказы отвечаю я сама. А уж кто и как будет оплачивать эти счета в будущем, не вешая долг на тебя… это не их дело. Мне просто нужно верющее письмо. Чтобы они видели: я — самостоятельная фигура.

Михаил замер. Перспектива того, что сестра сама решит вопрос с «тряпками» и при этом его не заставят платить прямо сейчас, показалась ему спасением.

— То есть… я не буду должен за эти счета? Ты сама устроишь?

— Сама. Но мы прямо сейчас едем к нотариусу. Ты подпишешь «верющее письмо» на моё имя. Право представления интересов, право подписи и право распоряжаться имуществом в рамках моих нужд. Скажем всем, что я теперь сама веду свои дела, чтобы не отвлекать тебя от службы.

— Право распоряжаться… — он нахмурился было, но тут же махнул рукой. — Да, да! Раз ты можешь договориться, чтобы нам снова открыли кредит… Едем! Господи, Катя, какая же ты умница. Главное — платье. Чтобы ты сияла!

Я отвернулась, чтобы он не видел моего взгляда. «Умница». Михаил даже не подозревал, что подписывает мне мандат на полную финансовую ревизию семьи.

Через час мы уже были в конторе на Большой Морской.

В конторе нотариуса я сама диктовала пункты, пока Михаил разглядывал в окне проезжающие экипажи.

— Пишите: право подписи финансовых документов, право представления интересов перед третьими лицами и право управления активами для обеспечения нужд семьи, — мой голос звучал ровно и профессионально.

Нотариус посмотрел на меня с подозрением, но Михаил, желая поскорее закончить с «этой скукой», небрежно подтвердил:

— Всё так. Пишите.

Когда тяжёлая печать легла на бумагу, я почувствовала, что наконец-то обрела вес в этом мире. Михаил думал, что разрешил мне покупать шёлк. Я же знала, что теперь я — единственный человек в этом доме, чья подпись стоит дороже его честного слова.

— Ну вот и всё, — я аккуратно сложила документ и довольно улыбнулась. — Теперь ты можешь ехать в полк. А у меня есть дела у мастеров. Нужно ведь подготовиться к встрече.

Глава 18

Выйдя от нотариуса, я первым делом спрятала «верющее письмо» во внутренний карман ридикюля и вцепилась в сумочку так, что костяшки пальцев побелели. Почему-то вдруг стало страшно, что какой-то прохожий может схватить и украсть моё сокровище. Эта бумага — мой первый настоящий щит в этом веке, и потерять её было бы очень обидно.

Михаил уехал в полк, окрылённый иллюзией, что теперь его сестрица сама решит проблему с портнихами, а я наконец смогла заняться делом.

Первым пунктом в моём списке значился слесарь Шмидт. В его мастерской на Гороховой всё так же пахло гарью и кислым металлом. Увидев меня, мастер отложил в сторону массивный замок и вытер руки о замасленный фартук. Его глаза за толстыми линзами радостно сверкнули — он явно запомнил заказчицу, которая платит серебром и не изводит его долгими спорами о копейках.

— Снова вы, сударыня? — он почтительно наклонил голову. — Желаете ещё один пробойник? Или тот всё же сломался?

— Он работает безупречно, мастер, — я скупо улыбнулась, небрежно отодвигая в сторону тему дырокола. — Но сегодня мне нужен еще один такой пробойник. И еще кое-что другое. Совсем иного рода вещица.

Я разложила на замасленном верстаке новые наброски. Это были разрозненные детали: отдельно — пружинный рычаг, отдельно — стальное основание с пазами. И весь механизм в сборе.

— Мне нужно изготовить пятнадцать комплектов вот таких пружинных зажимов. Представьте: стальное основание, на нём две дуги, которые размыкаются при нажатии на этот рычаг. Работа должна быть точной, чтобы фиксация была жёсткой и металл не «гулял». И механизм нужен очень крепкий — рычаг я буду дёргать часто.

Шмидт подслеповато щурился, потирая небритый подбородок. Он снова взял кусочек мела и чиркнул по верстаку, пытаясь осознать механику отдельно взятой детали.

— Опять у вас какие-то странные штуковины, барышня, — проворчал он. — Работа не самая пыльная, но сталь должна быть хорошей закалки, иначе пружина лопнет через сотню нажатий. Сделаю. Для музыкальных шкатулок запчасти заказываете, барышня? Или для мебельных секретов?

— Считайте, что для шкатулок, мастер, — я не стала его разубеждать. — Сколько возьмёте за пятнадцать комплектов?

— Девять рублей серебром за всё, — Шмидт озадаченно почесал затылок. — Детали мелкие, возиться придётся много.

Я не стала тратить время на торги. Я достала из ридикюля тяжёлую золотую пятирублёвку. Она ярко, почти вызывающе блеснула на грязном верстаке среди стружки и масла. Шмидт замер, глядя на золото.

— Вот аванс. Здесь пять рублей золотом. Ещё четыре отдам, когда заберу заказ. И помните, мастер: об этом заказе — ни слова. Иначе я найду более молчаливого мастера для своих странных штуковин.

Шмидт осторожно взял монету, словно пробуя её на вес, и уважительно кивнул. Теперь я была для него не просто странной клиенткой, а серьёзным и щедрым партнёром, чьи секреты надёжно защищены его собственным интересом.

Второй точкой в моём маршруте была переплётная мастерская на Садовой. Над дверью висела вывеска с тиснёной золотой книгой, а внутри пахло так, что у любого библиофила закружилась бы голова: густой аромат костяного клея, свежего типографского шрифта и дорогой выделанной кожи.

Мастер — сухопарый старик в нарукавниках — бережно перелистывал рукопись, когда я вошла.

— Добрый день. Мне нужно изготовить пятнадцать обложек, — я выложила на прилавок лист с точными размерами. — Но это будут не книги. Это будут папки для бумаг.

Старик поднял на меня взгляд поверх очков.

— Папки, барышня? С тесёмками, как в архивах? Или папкипортфели с клапаном?

— Ни то ни другое, — я покачала головой. — Мне нужны жёсткие обложки. Пять из них — «люкс»: тёмно-синий сафьян, внутри — муаровый подклад, на корешке — золотое тиснение: цифры томов. Остальные десять — в прочном сером коленкоре для черновой работы. Но самое важное вот здесь…

Я ткнула пальцем в эскиз.

— Корешок должен быть абсолютно плоским и жёстким. И внутри, на задней крышке, нужно укрепить слой плотного прессованного картона. Но не приклеивать его наглухо по краям. Оставьте зазоры в этих местах, — я показала точки, где позже будут крепиться стальные ушки механизма Шмидта.

Переплётчик нахмурился, потирая подбородок.

— Странный фасон, сударыня. Если без тесёмок — листы же будут гулять. При первом же движении всё ваше дело на паркет и высыплется. Не по-людски это.

— Не беспокойтесь, мастер, — я я улыбнулась, — ваша задача — чтобы папка выглядела безупречно и держала форму, даже если в неё сложат сотню листов.

Я знала, что прошу невозможного для этого времени — жёсткости современного регистратора. Но сафьян и многослойный картон должны были справиться.

— Работа непростая, — мастер прикинул в уме. — Кожа нынче дорога, сафьян из самой Франции везут. За всё про всё — двадцать два рубля серебром. И десять дней сроку.

Двадцать два рубля. Почти пять моих золотых «пятёрок». Я почувствовала, как ридикюль в моей руке стал легче ещё до того, как я открыла замок. Но я знала: эти пять синих папок — мой пропуск в большой бизнес. Они должны выглядеть так, чтобы императору захотелось взять их в руки.

Я выложила две золотые монеты и добавила серебром.

— Вот аванс. Здесь половина. Остальное — когда заберу готовое. И, мастер… — я посмотрела ему прямо в глаза, — сделайте на совесть. Это подарок для очень большого человека…

Старик уважительно кивнул, принимая золото. Для него я была очередной богатой чудачкой, но золото пахло убедительнее любых объяснений.

Выйдя на шумную Садовую, я выдохнула и поправила ридикюль. В нём теперь сиротливо перекатывались оставшиеся золотые монеты. Половина моего капитала превратилась в обязательства мастеров, но на душе было спокойно.

Информационная безопасность — это не только про сейфы, это про изоляцию знаний. Шмидт делает «детали для шкатулок», переплётчик шьёт «странные альбомы». Ни один из них не видит картины целиком. Сборку я планировала заказать в третьем месте, которое мне ещё предстоит найти — где-нибудь подальше от центра, у мастера, который не задаёт вопросов.

И дело было даже не в страхе, что кто-то украдёт мою идею сейчас. Вряд ли эти ремесленники вообще поймут потенциал «канцелярской революции». Я боялась другого. Я знала, как работает история: когда я поднимусь, когда мой бизнес станет приносить тысячи, найдутся те, кто захочет ударить по самому больному. Они скажут, что я ничего не придумывала. Скажут, что идею мне подсказал Шмидт или что я украла её у переплётчика. В этом веке женщине прощают многое, но только не наличие собственного ума.

Мне была нужна безупречная чистота. Разделяя изготовление прототипов на части, я создавала доказательства того, что единственным человеком, соединившим эти детали в работающую систему, была я сама. Мой патент должен быть неоспорим.

Глава 19

Дома было непривычно тихо. Михаил, получив обещание, что вопрос с «тряпками» решён, умчался в полк — то ли нести службу, то ли проигрывать последние крохи в офицерском собрании. И я наконец-то смогла вздохнуть свободно.

Теперь, когда в моём ридикюле лежало «верющее письмо», необходимость прятаться в своей комнате и маскировать бумаги грудой женского хлама отпала. Я была законным представителем рода, а значит, имела полное право на главный плацдарм в этом доме.

— Акулина! — позвала я, входя в кабинет брата.

Горничная выросла за спиной мгновенно, испуганно глядя на то, как я распахиваю тяжёлые шторы, впуская в запылённую комнату резкий дневной свет.

— Выгребай всё это, — я обвела рукой «художественно» разбросанный мусор: пустые конверты, обрывки газет, счета из ресторанов и замусоленные карточные листы. — Всю эту макулатуру — в печь. Окна помыть, ковры выбить, пыль протереть так, чтобы дерево блестело. И поставь на стол чернильницу побольше.

— Но как же… Михаил Михайлович гневаться будут… — пролепетала Акулина.

— Михаил Михайлович теперь занят службой, — отрезала я, кладя на край стола документ с тяжёлой печатью. — А делами дома занимаюсь я. Живо.

Через два часа кабинет преобразился. Из душного логова проматывающего жизнь дворянина он превратился в рабочее пространство. Исчез запах застоявшегося табака, стёкла сияли, а пустой стол манил своей чистой поверхностью. Я села в глубокое кожаное кресло и разложила перед собой ведомости из Тепловки.

Теперь мне не нужно было воровато оглядываться на дверь. Я достала дырокол, кипу листов и начала свой первый настоящий аудит в этом веке.

Документы приказчика Савельева представляли собой классический бухгалтерский хаос: кипы разрозненных листов, написанных каллиграфическим, но путаным почерком. В этом имении как будто не слышали о двойной бухгалтерии, поэтому воровали просто, по-старинному: полагаясь на то, что барину будет скучно вникать в бесконечные списки фунтов, четвертей и закупленной рогожи.

Я методично пробивала листы дыроколом и подшивала их, приводя в подобие реестра. Порядок в документах всегда помогает навести порядок в мыслях — это была профессиональная привычка, которую не вытравить никаким «попаданием» в прошлое.

Савельев не был дураком. Его дебет с кредитом формально сходились, но он не учёл, что я не буду просто смотреть на итоговую сумму. Я начала перекрёстную проверку данных, сопоставляя разные статьи расходов.

Первая серьёзная ниточка потянулась из счетов от местного купца Еремеева. Согласно отчёту Савельева, урожай пшеницы был скудным — в амбары засыпали всего пятнадцать тысяч пудов, которые и были проданы Еремееву по осени. Но в разделе «хозяйственные расходы» значилась закупка и списание новых рогожных мешков, которых хватило бы на перевозку добрых тридцати тысяч пудов.

— Прокололся на копеечной таре, — я едва заметно усмехнулась.

Савельев не пытался нажиться на стоимости самих мешков. Он просто спрятал за ними половину урожая. Официально он показал по бумагам «недород», а остальные пятнадцать тысяч пудов продал «налево» тому же купцу, положив всю выручку себе в карман. Мешки он списал честно — ведь зерно действительно нужно было в чём то везти. Вот только он забыл, что количество мешков — это прямой индикатор объёма продукции.

Но настоящий шедевр наглости ждал меня в ведомостях по трудодням. В одной книге значилось, что на уборку урожая были наняты «вольные» мужики, которым выплатили солид-

ное жалованье из кассы имения. Однако, сверив это со списками временнообязанных крестьян, я обнаружила те же фамилии в графе отработки барщины.

— Красиво, — я покачала головой. — Мужики пахали за свою повинность, фактически бесплатно для имения, а Савельев оформил это как дорогостоящий найм со стороны. И положил «зарплату» крестьян себе в карман.

Двойной грабёж: он обкрадывал и хозяина, списывая несуществующие расходы, и мужиков, которые гнули спину на жаре, даже не подозревая, что их труд «оплачен» в карман приказчика.

Но Савельев не остановился и сумел поразить меня своей бесцеремонной наглостью ещё раз.

Я нахмурилась, сопоставляя ведомости амбарного приёма и книгу продаж. В акте приёма зерна от молотилок чётко значилось: «Пшеницы твёрдой, первого сорта — три тысячи четвертей». Но через месяц в графе реализации та же цифра волшебным образом превратилась в «Рожь озимую».

— Наглец, — я не удержалась от короткого смешка. — Ты посмотри, что творит.

Схема была топорной, но эффективной для невнимательного глаза. Савельев принимал на склад дорогую экспортную пшеницу. Затем просто подменял записи, и купцу Еремееву уходила уже дешёвая рожь. Разница в цене между пшеницей и рожью составляла добрых сорок копеек на пуд. На трёх тысячах четвертей это были тысячи рублей чистого дохода, которые Савельев и Еремеев просто «распилили» между собой. Брату же он отправлял отчёты о плохой конъюнктуре рынка и низких ценах на зерно.

Для Михаила, который даже по бумагам не отличал пшеницу от свёклы, это выглядело как «неудачный год». Для меня же это выглядело как статья уголовного кодекса.

Теперь у меня была полная картина: приказчик зарабатывал на трёх направлениях — через занижение урожая, фиктивный найм и ценовую разницу. Это была улика. У Савельева была своя «модель бизнеса», но он не знал, что столкнётся с профессиональным экономистом XXI века.

Проблема была только в том, что все первичные документы, которые я смогла найти, были четырёхлетней давности, а дальше Михаил получал только одностраничные отчёты, из которых не видно было ничего. Хитрый приказчик и тут подстелил соломки… Если, конечно, здесь так же, как в будущем, срок исковой давности — три года. Впрочем, сейчас это не имело значения.

Я взяла чистый лист и обмакнула перо в чернильницу.

Я писала сухо, по делу. Пока он доберётся из Полтавы, у меня уже будет патент и поддержка на самом верху.

Глава 20

Вечер опустился на Петербург незаметно. После визита к нотариусу и яростного дневного аудита Тепловки кабинет Михаила казался мне единственным безопасным местом, но тишина длилась недолго.

Дверь распахнулась без стука. На пороге стояла Варвара. Она не просто вошла — она влетела, сияя так, будто её подсвечивали изнутри. В руках она бережно, как святые мощи, несла небольшой, но увесистый свёрток в плотной папиросной бумаге.

— Катя… — выдохнула она, и я поняла: моё вчерашнее письмо, очень личное и очень сумбурное, в котором я настежь распахнула перед ним свою душу, скрыв только один факт — я не та Катя, дошло. И оказалось принято благосклонно. — Катенька, душа моя. Ты представить себе не можешь, какой чести мы удостоены.

Она подошла к столу, отодвинула в сторону мои ведомости с пометками о воровстве Савельева и водрузила в центр свёрток.

— Личный ответ. Привезли к моему дому час назад, велели передать тебе в руки. Глянь на печать, Катя! Личный вензель!

Я посмотрела на свёрток. Бумага была идеально гладкой, без единой складки. На месте пересечения атласных лент горел чёткий оттиск красного сургуча. Буква «А» и цифра «II» под короной. Подарок от Императора Всероссийского.

— Открывай же! — Варвара едва не подпрыгивала от нетерпения. — Там колье, Катя! Курьер обмолвился, что камни выбирали из личного запаса… Сапфиры! Бриллианты! Ты понимаешь, что это значит? Это победа! Мы спасены!

Я смотрела на сургучную печать. В моей голове, ещё не остывшей от подсчётов украденных пудов пшеницы, мгновенно сработал предохранитель.

— Нет, — я даже не коснулась лент.

— Что «нет»? — Варвара замерла, её лицо пошло красными пятнами.

— Я не буду его открывать. И ты не будешь.

— Ты с ума сошла! — Варвара сорвалась на визг. — Там целое состояние! Ты хоть понимаешь, что ты делаешь? Михаил сейчас в полку, если он узнает…

— Если он узнает, он заложит эти камни завтра же, и мы снова окажемся в яме, — я поднялась, чувствуя холодную уверенность. — Варвара, посмотри на меня. Если я сорву эту печать сегодня, завтра я проснусь его содержанкой. Очередной «милой Катенькой» на пару дней, которой можно попользоваться и заткнуть рот бриллиантами.

Я пододвинула свёрток обратно к краю стола.

— Я верну его. Лично. Запечатанным.

Варвара осела на стул, хватая ртом воздух.

— Ты… ты хочешь вернуть нераспечатанный подарок Государю? — Она смотрела на меня как на умалишённую. — Катя, это не просто гордость, это безумие! Он сочтёт это за личное оскорбление!

Я не стала объяснять ей, что монархи, пресыщенные лестью, больше всего ценят то, что не могут купить. Для Варвары такие категории были за гранью понимания.

— Это моё решение, Варвара. Я сама объяснюсь с ним.

— Но камни… Ты хотя бы представляешь, сколько они стоят? — Варвара подалась вперёд, в её голосе зазвучала почти умоляющая нота. — Катя, ну неужели тебе совсем не интересно? Давай просто откроем, взглянем одним глазом, и ты тут же его закроешь! Никто не узнает. Ну как можно вернуть то, чего ты даже не видела?

— Мы ничего не могли бы, — отрезала я. — Эти камни принадлежат Его Величеству до тех пор, пока я не решу иначе. И сейчас я решаю, что они останутся в этом футляре.

— Но там. Внутри может быть письмо! — Воскликнула Варвара, предъявляя последний аргумент, который, честно говоря, на миг заставил меня поколебаться.

Мне очень хотелось увидеть ответ Александра на мои чувства. Но я только тряхнула головой и решительно убрала свёрток в ящик стола, заперев его на ключ. Ключ отправился в мой ридикюль, к «верющему письму». Варвара проводила его жадным, почти болезненным взглядом.

— А если ты хоть словом обмолвишься об этом подарке Михаилу… — я не договорила, но посмотрела на Варвару так, что она заметно побледнела.

В её глазах на миг отразился настоящий страх. Она привыкла манипулировать неопытными дебютантками, но сейчас перед ней был человек, который видел её насквозь и не собирался играть по её правилам.

— Не скажу, — быстро, почти заискивающе ответила она. — Но ты рискуешь, Катя. Ох, как ты рискуешь…

— Тебе пора, — я снова села за документы Тепловки, давая понять, что аудиенция закончена. — У меня ещё много работы.

Варвара открыла было рот, явно собираясь напомнить мне о долгах Михаила, о приличиях или о своей роли «благодетельницы», но, наткнувшись на мой ледяной взгляд, только плотно сжала губы. Она вышла из кабинета, даже не попрощавшись, а я наконец-то смогла выдохнуть.

Глава 21

Следующие десять дней я провела в режиме, который в моё время назвали бы «информационной блокадой». Пока Петербург пережёвывал подробности покушения, а Варвара, оскорблённая моей «неблагодарностью», демонстративно дулась, я окончательно перебралась в кабинет брата. Михаил почти не появлялся дома, пропадая в клубах, — и это было мне на руку. Тишина, запах старой кожи и пыльных фолиантов стали моей естественной средой обитания.

Я вытащила с полок тяжёлые тома Свода Законов Российской Империи. Читать их после чётких кодексов XXI века было всё равно что разгадывать клинопись, но азарт побеждал усталость.

Однажды вечером Михаил всё же заглянул в кабинет. Вид сестры, обложившейся юридической литературой вместо модных журналов, его явно озадачил.

— Катя, что это ты делаешь? — удивился он.

— Хочу знать, какие в этой стране законы, — хмуро ответила я, не поднимая головы.

— Глупая, — усмехнулся он, опираясь на дверной косяк. — Это не для женского ума. Ты всё равно ничего не поймёшь. Езжай лучше к модистке! Ты же договорилась с ней о новом кредите?

— Конечно, договорилась, — отозвалась я, не поднимая глаз от главы о «Привилегиях». — Иди, не мешай мне.

Он расхохотался и ушёл. Не удивлюсь, если сегодня мой брат потешит своих приятелей рассказом о том, как его сестра читала юридические книги.

Я только плотнее сжала губы. Ничего. Хорошо смеётся тот, кто смеётся последним. А пока мне нужно было найти лазейки в правилах игры, в которую женщин-игроков ещё не допускали.

Сейчас меня интересовали «привилегии» — местный аналог патентов. По закону исключительное право на производство «полезных открытий» давалось на десять лет. В голове выстраивались строки будущего прошения на имя Александра: «Аппарат для предохранения государственных бумаг от утраты и смешения». Тот, кто владеет порядком в архивах, в конечном итоге владеет информацией.

Формально никаких ограничений по полу в получении привилегий на изобретения не было. Однако, полагаю, если я подам прошение на общих основаниях, то его похоронят где-нибудь на полках — потому что «это не для женского ума».

Шестнадцатое апреля встретило меня промозглой невской сыростью. Утром я отправилась забирать комплектующие.

На Гороховой старик Шмидт выложил на верстак пятнадцать арочных механизмов. Я проверяла каждый, чувствуя холод стали.

— Всё по чертежу, ваше сиятельство, — проскрипел мастер, наблюдая за тем, как я щёлкаю рычагами. — Только зачем девице такие хитрые железки?

— Для очень важных секретов, господин Шмидт, — отрезала я. — Механизм работает исправно?

— Как часы, — обиделся немец. — Лучшая сталь.

Забрав детали у него и обложки у переплётчика на Садовой, я отвезла их в третью мастерскую на окраине. Старый мастер там был нелюдим и молчалив, что меня полностью устраивало.

Семнадцатого апреля я забрала готовый заказ. Пятнадцать папок стояли в ряд на столе в моей комнате: пять шикарных, обтянутых кожей, и десять попроще — с обложкой из коленкора.

Вечер перед встречей я провела в странном оцепенении. Я подошла к шкафу и коснулась серо-голубого шёлка самого простого платья. От кринолинов мне пока никуда не деться,

но количество рюш и украшений на квадратный сантиметр ткани здесь было минимальным. Завтра Саша должен увидеть не «княжну Долгорукову», а женщину, которая видит в нем не только императора, но и просто человека. И понимает его заботы лучше, чем все министры вместе взятые.

В ящике стола, запертом на ключ, рядом с папками лежал нераспечатанный свёрток с вензелем «А II», в коробке — папки для императора и пресс-пробойник. Упаковывать подарок в подарочную бумагу я не стала. Хотя мне очень хотелось устроить Ему приятный сюрприз, я понимала: сюрприз достанется его охране. Вряд ли меня пропустят в Зимний дворец с секретной коробкой. Особенно после покушения «злодея Петрова», как называли его в газетах.

— Завтра, Саша, — прошептала я. — Завтра ты поймёшь, что я не такая, как ты думал. Посмотрим, как ты отнесёшься к тому, что твоя женщина может быть чем-то большим, чем просто приложением к мужчине.

Я тяжело вздохнула... Завтра решиться и моя судьба тоже. А может быть и всей страны. Надеюсь, в этот раз я справлюсь. И высшим силам, которые отправили меня сюда, не придется прибегать к помощи какого-нибудь еще одного Осипа Комиссарова, мастера-шапочника, который спас императора от смерти.

Глава 22

Вечер восемнадцатого апреля выдался душным. Небо над Петербургом затянуло свинцовыми тучами, обещавшими грозу. Я стояла у окна кабинета, наблюдая, как к подъезду подкатил закрытый экипаж без гербов. Сердце предательски ёкнуло. Можно сколько угодно строить из себя железную леди и экономиста, но глупо отрицать очевидное: я ехала на свидание к мужчине, который мне по-настоящему нравился.

Михаил, до этого нервно меривший шагами коридор, замер у двери. В его глазах горел лихорадочный блеск — он уже видел, как на него проливается золотой дождь императорских милостей.

— Едут, Катя! — он потёр руки, едва сдерживая торжествующий возглас. — Ну, не подведи. На тебя вся надежда.

Я даже не обернулась. Его надежды были мне глубоко безразличны.

— Иди в клуб, Михаил, — бросила я, в последний раз проверяя в зеркале причёску. — И не жди, что я стану решать твои проблемы. Я предупреждала.

Я вышла из дома, прижимая к груди довольно объёмистую картонную коробку. Кучер поспешил на помощь, но я лишь качнула головой, сама устраивая свою ношу на сиденье экипажа. В коробке лежали пять моих папок и новый пробойник — мой подарок человеку, который задыхался под горой бумаг. Да, я хотела решить свои вопросы, но прежде всего я хотела помочь ему.

Экипаж тронулся. Я смотрела на мелькающие огни Петербурга, чувствуя, как внутри натягивается струна. Страха не было, было предвкушение. Я знала, что иду против правил, знала, что мой вид без сапфиров и в простом платье может вызвать недоумение, но мне хотелось быть настоящей.

Я вышла из кареты, прижимая к себе картонную коробку. Зимний дворец встретил меня тишиной и неприметным входом «для своих». Коридоры, запахи воска и старой бумаги — всё это казалось фоном. Главное ждало впереди. Я глубоко вздохнула, стараясь унять внезапную дрожь в пальцах. Глупо отрицать — этот мужчина мне нравился, и сейчас я шла не на аудит, а на встречу с тем, кто заставлял моё сердце биться быстрее.

Поднявшись по ступеням и пройдя сквозь анфиладу тихих коридоров, я оказалась перед дверью кабинета. Лакей беззвучно распахнул створку.

Александр стоял у камина, спиной ко мне. Его плечи были напряжены, пальцы нервно постукивали по мраморной полке. Я вошла, и звук моих шагов заставил его резко обернуться.

Я молча подошла к ближайшему креслу и осторожно поставила свою коробку прямо на пол, у ножек стола. Затем выпрямилась и сняла капюшон плаща.

— Добрый вечер… Надеюсь, вы не станете сердиться, что я без реверанса?

Он замер, жадно всматриваясь в моё лицо, а затем его взгляд медленно опустился ниже. На моей шее не было бриллиантов, в ушах не сверкали сапфиры. Серо-голубой шёлк платья казался почти невзрачным в полумраке кабинета.

— Катенька… — голос его дрогнул. — Вы пришли. Но… я не вижу на вас своего подарка. Вам не подошли сапфиры?

Я молча достала из коробки нераспечатанный свёрток с императорским вензелем и протянула его ему на раскрытой ладони. Сургуч был цел.

— Сапфиры здесь. Я не сорвала печать.

Александр нахмурился, в его глазах промелькнула тень обиды и непонимания. Он не взял свёрток, лишь коснулся пальцами моей руки.

— Почему, Катя? Это не просто украшение, это знак моей…

— Вашей признательности? — мягко перебила я. — Или аванс?

Я сделала шаг ближе, так, что почувствовала жар камина и едва уловимый аромат его парфюма.

— Понимаете… Если бы я вскрыла этот футляр сегодня, я бы пришла к Императору. К человеку, который привык покупать лояльность, тишину или… любовь. А я пришла к Саше. К мужчине, который мне дорог сам по себе, без его казны и драгоценностей. Я не хочу, чтобы между нами лежали обязательства, оплаченные камнями.

Александр смотрел на меня так, будто видел впервые. Напряжение в его плечах вдруг исчезло, он медленно выдохнул и забрал футляр, отложив его в сторону, на заваленный бумагами стол.

— Вы удивительная женщина, Катя, — тихо произнёс он, и в его взгляде появилось нечто большее, чем просто страсть — в нём промелькнуло уважение. — Никто и никогда не возвращал мне подарков с такой формулировкой.

— Значит, я буду первой, — я улыбнулась и кивнула на чайник. — Нальёте чаю? Я ужасно замёрзла по дороге.

Александр подошёл к столику. Его движения, поначалу скованные, стали мягче. Он разлил чай по чашкам, и по кабинету поплыл густой аромат бергамота. Я приняла из его рук фарфор, коснувшись пальцами его ладони — кожа была обжигающе горячей.

Мы сели в кресла у камина. Несколько минут в комнате царила тишина, нарушаемая только потрескиванием дров и тихим звоном ложечки о край моей чашки.

— Знаете, Катенька, — заговорил он, глядя на огонь, — за годы на престоле я выучил один урок: у императора нет друзей, есть только кредиторы. Все, кто входит в эту дверь, чегото хотят. Министры, дворяне, даже семья… Все смотрят на меня как на колодец, из которого можно бесконечно черпать, пока не покажется дно. Но никто не хочет просто поделиться теплом, не выставляя в конце счёт.

Он поднял на меня взгляд, в котором застыла такая запредельная усталость, что мой внутренний расчётливый экономист на секунду притих.

— Я — лишь инструмент для их целей, — тихо добавил он. — А я… я просто хочу иметь место, где мне не нужно платить за право быть собой.

Я медленно поставила чашку на столик. Фарфор звякнул почти неслышно.

— И вы решили, что я — очередное ведро, которое спустили в этот колодец? — спросила я мягко, глядя ему прямо в глаза.

Александр вздрогнул.

— Простите… Я не хотел вас обидеть.

— Вы меня не обидели, Саша. Вы просто описали рынок, на котором привыкли жить. Но я пришла сюда не торговать. Мне не нужны имения или новые жемчуга. Я пришла, потому что увидела человека, который задыхается под тяжестью этой золотой парчи.

Я подалась вперёд, сокращая расстояние между нами. Жар камина опалял лицо.

— Я хочу быть тем самым местом, где вы можете просто… выдохнуть. И мой сегодняшний отказ от сапфиров — это не каприз. Это гарантия того, что мой голос для вас будет честным, а не купленным.

Александр накрыл мою ладонь своей — уверенно и крепко. В его глазах отразилось такое облегчение, будто я только что сняла с его плеч половину груза империи.

— Но раз уж мы заговорили о правде и о том, как вы задыхаетесь… — я осторожно высвободила руку и кивнула на свою картонную коробку, стоящую на полу. — Я не смогу подарить вам покой во всей стране, Саша. Но я могу подарить вам порядок на этом столе. А значит — пару лишних часов сна.

Я поднялась и подтянула коробку ближе к свету камина.

— Позвольте мне показать, что я для вас приготовила.

Я опустилась на колено рядом с коробкой. Александр подался вперёд, в его глазах читалось искреннее недоумение. Но я знала: сейчас наступает момент истины.

— Что это, Катенька? — он заглянул внутрь. — Инструменты? Похоже на какую-то… механику.

— Это свобода, Саша. Ваша личная свобода от хаоса, — я достала пресс-пробойник. В свете камина воронёная сталь тускло блеснула. — Вы жаловались, что колодец пуст. Но он пустеет потому, что вы тратите силы на борьбу с ветряными мельницами. Посмотрите на свой стол.

Я обвела рукой горы бумаг, где доклады министерства внутренних дел перемешались с прошениями и картами.

— Если вам сейчас понадобится вчерашний рапорт из Москвы, сколько времени ваши секретари будут его искать? Пять минут? Десять? А если он просто выскользнул из папки на тесёмках и остался в карете?

Я взяла одну папку в тёмно-синем сафьяне. Она выглядела строго и дорого, как полагается вещи императора.

— Позвольте, — я без тени робости протянула руку к его столу и взяла два разрозненных листа какого-то отчёта.

Александр молчал, заворожённо наблюдая за моими движениями. Я положила бумаги на станину, выровняла их и с резким, уверенным щелчком нажала на рычаг пробойника. В тишине кабинета этот звук прозвучал как выстрел — чётко и резко.

Затем я открыла папку, развела кольца и насадила на них листы. Щёлчок — и замок закрылся.

— Вот и всё, — я протянула ему папку. — Теперь эти бумаги — одно целое. Вы можете трясти её, брать в дорогу, ронять — ни один лист не сдвинется ни на миллиметр. Вы всегда найдёте начало документа и его конец.

Император осторожно взял папку в руки. Он провёл пальцами по коже, затем открыл её и попробовал потянуть за край листа. Бумага сидела намертво. Он перевернул папку, встряхнул — тишина.

— Удивительно… — прошептал он, и на его лице появилось выражение детского восторга, смешанного с глубоким осознанием. — Просто… две дырки и стальной зажим. Почему никто не додумался до этого раньше?

— Потому что все думали о том, что написать в документах, и никто — о том, как их сохранить, — я поднялась. — Здесь пять папок. Этого хватит для ваших самых важных дел. Попробуйте поработать с ними неделю. И если через неделю вы поймёте, что стали меньше времени тратить на поиски нужной страницы — значит, мой подарок удался.

Александр долго молчал, перелистывая подшитые листы. Он пробовал механизм на ощупь, закрывал и открывал замок, слушая уверенный щелчок стали. В этом звуке было что-то окончательное, ставящее точку в хаосе его рабочего дня.

— Я буду беречь ваш подарок, Катенька, — тихо произнёс он, поднимая на меня взгляд. — Каждый раз, открывая эти папки, я буду вспоминать этот вечер. И вас. Знаете… забавно. Мне дарили дворцы, коней, целые коллекции оружия. Но никто ещё не дарил мне вещи, чтобы облегчить мою жизнь.

Он осторожно отложил синюю сафьяновую папку на край стола, прямо поверх кучи разрозненных докладов, и внимательно посмотрел на меня. Усталость в его глазах сменилась жёстким, цепким вниманием государственного мужа.

— Но давайте вернёмся к правде, о которой мы договорились, — он чуть сузил глаза. — Вы вернули сапфиры. Вы привезли мне подарок. Но в нашем мире, Катя, даже за порядок приходится платить.

Он сделал шаг ко мне, сокращая дистанцию до предела.

— Скажите мне прямо: что вы хотите взамен? Чего вы ждёте от меня? Денег для брата? Имения? Говорите, я слушаю.

Я покачала головой, и на моих губах заиграла лёгкая, уверенная улыбка.

— Ничего. Это подарок Саше, а не Императору. И мне не нужны ваши деньги для оплаты карточных долгов брата. Я сама разберусь со своей семьёй.

Александр вскинул брови, явно не привыкший к такому отпору.

— Сами? Но как, Катенька? Вы не представляете, как устроен этот мир вне бальных зал.

Я ставила коробку и посмотрела на него — открыто и серьёзно.

— Я могу говорить с вами открыто? Мы ведь условились, что здесь мы просто люди. Не Император и не княжна.

Он на мгновение замер, поражённый переменой в моём тоне, а затем медленно кивнул.

— Да. Я сам этого просил.

— Знаете… — я задумчиво коснулась края скатерти. — Мне иногда становится невыносимо скучно. Жизнь дворянки — это какой-то бесконечный карнавал, где интересы крутятся только вокруг шёлков, жемчугов и сплетен. Завтраки, визиты, примерки… Сначала ты ждёшь мужа, потом — когда вырастут дети. И всё. А мне хочется попробовать сделать в этой жизни что-то большее. Придумать что-то своё, по-настоящему полезное. Вот как эти папки.

Я чуть улыбнулась, глядя на синий сафьян на столе.

— Я потратила последние недели на изучение законов. Оказывается, это куда интереснее французских романов. Я уже подготовила прошение на ваше имя о выдаче мне «привилегии» на этот механизм. Подам его завтра в Канцелярию. Папки только сегодня вышли из мастерской, и мне больше всего хотелось, чтобы вы увидели их первым.

Александр смотрел на меня с нескрываемым изумлением. В его мире женщины не читали Свод Законов и уж точно не мечтали о «привилегиях» на стальные скобы. Но в этом удивлении не было насмешки — скорее какое-то бережное, почти нежное любопытство.

— Подадите в Канцелярию… — повторил он, и на его губах появилась мягкая улыбка. — Вы очень необычная женщина, Катя. Редко кто в этих стенах говорит о желании «сделать что-то полезное» самостоятельно.

— Зато я буду знать, что чего-то стою в этом мире сама по себе, — я пожала плечами. — И тогда я смогу приходить сюда и просто пить с вами чай, зная, что я здесь — потому что хочу быть рядом, а не потому, что мне что-то от вас нужно.

Александр промолчал. Он долго смотрел на огонь в камине, потом перевёл взгляд на коробку у моих ног. Я видела, что мой рассказ задел в нём какую-то струну — возможно, он сам, придавленный грузом ответственности, втайне завидовал этой моей возможности просто созидать.

— Вы удивительная, Катя, — наконец тихо произнёс он. — Совершенно невозможная и… удивительная.

Он поднял чашку, и я поняла, что момент делового напряжения миновал. Мы снова были просто Сашей и Катей, сидящими у камина. Тема «дел» была закрыта, но я видела по его глазам: он запомнил каждое моё слово. Не как просьбу, а как откровение человека, которому он впервые за долгое время мог доверять.

Больше мы к делам не возвращались. Словно негласный договор вступил в силу: за порогом этого кабинета осталась Империя с её долгами, покушениями и ворующими приказчиками, а здесь остались только мы.

Мы пили чай и говорили обо всём на свете. Оказалось, что Саша умеет быть потрясающим рассказчиком. Он вспоминал свои поездки по Европе, смешно пародировал чопорных немецких принцев и с какой-то детской теплотой рассказывал о своих любимых собаках. Мы смеялись — искренне и легко, как старые друзья, которые наконец-то встретились после дол-

гой разлуки. В эти минуты он не был самодержцем, он был человеком, которому просто позволили снять мундир и быть собой.

Я ловила себя на том, что смотрю не на императора, а на морщинки в уголках его глаз, когда он смеётся, на то, как он жестикулирует, увлекаясь рассказом. И понимала: этот «эпизод», как я назвала его в Летнем саду, становится для меня чем-то гораздо более важным, чем банальная интрижка с красивым мужчиной.

Глава 23

Часы пробили полночь — глубокий, гулкий звук разнёсся по кабинету. Я вздрогнула, осознав, как быстро пролетело время. Александр понимающе улыбнулся и поднялся, чтобы проводить меня. Помог надеть плащ…

Я уже собиралась уходить, когда Александр вдруг коснулся моего плеча.

— Постойте, Катя.

Он подошёл к столу и достал из ящика небольшую тетрадь в простом кожаном переплёте. Она не выглядела как роскошный подарок из императорской сокровищницы: углы были чуть потёрты, а на обложке не было ни золота, ни камней.

— Вы вернули мне сапфиры, и я не стану настаивать. Но я не могу отпустить вас просто так. Не как Император, а как человек.

Он протянул мне тетрадь. Я открыла её на первой странице. Это был альбом для зарисовок. На плотных листах — карандашные наброски: виды Крыма, лошади в конюшнях, профили каких-то людей и очень живой рисунок его любимого пса. В этих линиях было больше правды, чем во всех официальных портретах.

— Я рисовал это для себя, — тихо произнёс он. — В те минуты, когда мне нужно было забыть, кто я такой. Здесь — мои мысли и то, что я видел своими глазами. Это не имеет цены на рынке, Катя. Но я хочу, чтобы это было у вас. Просто как напоминание о том, что сегодняшний вечер… был настоящим. Вы ведь не откажете мне в такой малости?

Я посмотрела на набросок берега и почувствовала, как к горлу подкатил комок. Это было сильнее любых бриллиантов. Он дарил мне не капитал, он дарил мне свою память.

— Спасибо, Саша, — я бережно прижала альбом к груди. — Это я сохраню.

Домой я возвращалась в странном состоянии — смеси опустошения и дикого, звенящего восторга. Всё прошло даже лучше, чем я думала.

Экипаж покачивался, фонари мелькали за окном, отбрасывая жёлтые круги света на мокрую мостовую. Я прижимала к себе его подарок, и он казался мне ценнее любого сундука с золотом.

Варвара ждала в прихожей. Она даже не сняла чепец, хотя на часах было далеко за полночь. Её силуэт в свете одинокой свечи казался застывшим изваянием жадности. Едва я переступила порог, она бросилась ко мне, едва не опрокинув подсвечник.

Её глаза лихорадочно бегали по моей шее, рукам, плечам. Она искала блеск — тот самый ответный удар императорской щедрости, который должен был оправдать мой «дерзкий» отказ от первого подарка. В её логике я ехала за триумфом. Она ожидала увидеть меня увешанной побрякушками, как рождественскую ёлку, сияющей бриллиантами, которые должны были затмить те несчастные сапфиры.

— Ну?! — выдохнула она, хватая меня за локоть. — Показывай! Что он дал? Колье? Тиару? Катя, не томи, я же видела, как ты уезжала — ты же всё правильно рассчитала!

Я молча высвободила руку и прошла к лестнице. На мне не было ни одной новой жемчужины.

— Ничего.

Она замерла, и в тишине прихожей было слышно, как свистит её дыхание.

— Как это — ничего? — её голос сорвался на визг. — Ты провела там три часа! Ты вернула ему состояние! Ты поехала к нему в этом сером рубище, и он… он ничего не надел на твою шею?

— Он дал мне гораздо больше, чем ты способна понять, — я подняла ридикюль, в котором лежал потёртый кожаный альбом. — Но в ломбард ты это не отнесешь.

— Ты сумасшедшая! — Варвара буквально осела на банкетку, закрыв лицо руками. — Ты погубила нас! Ты погубила себя! Михаила! Ты… ты просто бестолковая девчонка! Он же теперь решит, что ты его презираешь!

Я остановилась на первой ступени и посмотрела на неё сверху вниз.

— Он так не решит. А теперь иди спать, Варвара. Ты можешь остаться у нас. Мне кажется, тебе не стоит возвращаться домой так поздно. И передай Михаилу: если он завтра спросит меня о деньгах — я выброшу его из кабинета лично.

Я поднялась в свою комнату и плотно закрыла дверь. В ридикюле лежал альбом с его рисунками — мой личный пропуск в его сердце. А в голове уже выстраивался план на завтра.

Любовь — прекрасное чувство, но оно чертовски хрупкое, если тебе не на что купить хлеба. Парить в облаках легко и приятно, когда ты точно знаешь, что в любой момент можешь спуститься и сесть на надёжную, крепкую ветку. Но если под тобой бездна, то полёт из высокого парения превращается в затяжное и опасное падение. Я не собиралась падать.

Мне нужна была эта ветка. Моя собственная, а не любезно подставленная императором.

Я положила альбом на край стола, рядом с аккуратной стопкой чертежей и прошением. Завтра я подам бумаги. Завтра я сделаю первый шаг к тому, чтобы наша с Сашей история не разбилась о быт, долги Михаила или косые взгляды двора. Я буду стоять на своих ногах.

А пока… Я просто погасила свечу и впервые за долгое время уснула с улыбкой на губах.

Глава 24

Утро девятнадцатого апреля встретило меня непривычно ярким петербургским солнцем. Оно бесцеремонно пробивалось сквозь шторы, высвечивая пылинки, танцующие над моим столом, где рядом с императорским альбомом лежало готовое прошение.

В столовую я спустилась, когда завтрак был в самом разгаре. Атмосфера за столом была такой густой, что её, казалось, можно было резать ножом. Варвара, бледная, с тёмными кругами под глазами, сосредоточенно ковыряла ложечкой в вазочке с вареньем. Михаил же сидел с лицом человека, который только что узнал о смерти богатого дядюшки, не оставившего ему ни гроша.

— Доброе утро, — я отодвинула стул.

Михаил вскинулся, глядя на меня так, будто я лично подожгла его полковой штаб.

— Доброе ли? — его голос дрожал. — Варвара мне всё рассказала. Катя, ты хоть понимаешь, что ты наделала? Кредиторы дежурят у подъезда! Чем я буду им платить? Твоими амбициями?

Я спокойно налила себе кофе, даже не взглянув на него.

— Ты будешь платить им тем, что заработал сам, Михаил. Или не платить вовсе — это твои дела. Меня они не касаются.

— Как это — не касаются?! — он почти вскрикнул, ударив ладонью по столу. — Мы одна семья! Твой позор — мой позор, мои долги — это крах нашего дома! Ты могла решить всё одним кивком головы, одной открытой коробочкой!

Я медленно поставила чашку и посмотрела на него в упор — холодно и без капли сочувствия.

— Наш дом ты разрушил сам задолго до моего визита во дворец. И если ты надеялся, что я стану твоим бесплатным билетом в безбедную жизнь — ты ошибся. Разбирайся со своими векселями сам.

Варвара издала тихий, страдальческий стон, но я даже не повернулась в её сторону. Для неё я была «бестолковой девчонкой», для Михаила — «неблагодарной сестрой». Пусть. Чем больше они будут считать меня бесполезной, тем меньше будут путаться под ногами.

Допив кофе, я поднялась. Акулина уже ждала в прихожей с коробкой, где лежали ещё пять папок и второй пробойник.

— Едем, Акулина. В Канцелярию.

Я вышла из дома, чувствуя в спине их ядовитые взгляды. Михаил всё ещё верил, что я просто капризничаю. Он не знал, что сегодня я иду закреплять право на свою личную «ветку», на которой не будет места для него и его карточных долгов.

Здание Департамента торговли и мануфактур встретило меня гулким эхом высоких сводов и тем самым специфическим запахом, который не меняется веками: смесью дорогого сукна, чернильного перегара и канцелярского пота. Просители, в основном мелкие купцы и замученные поверенные, жались к стенам, провожая меня недоумёнными взглядами. Княжна с картонной коробкой в руках в этих коридорах смотрелась как экзотическая птица, залетевшая на скотный двор.

Я приготовилась к долгой осаде. В моей голове уже был выстроен план: как не дать себя перебить, к какому параграфу закона апеллировать и сколько часов, или дней, мне придется провести в этой очереди.

Но реальность дала трещину в ту самую секунду, когда я подошла к тяжёлой дубовой стойке.

— Княжна Долгорукова, — произнесла я, стараясь придать голосу максимум ледяного достоинства. — По вопросу подачи прошения на десятилетнюю привилегию.

Пожилой чиновник в поношенном вицмундире, который только что с упоением чистил перо, вдруг замер. Его маленькие глазки за стёклами очков расширились. Он не просто встал — он буквально подпрыгнул, едва не опрокинув чернильницу.

— Екатерина Михайловна! Помилуйте, что же вы стоите? Мы… мы как раз ожидали! Позвольте, я сам…

Он суетливо выскочил из-за стойки, пытаясь перехватить у меня коробку. Я инстинктивно прижала её к себе крепче.

— Ожидали? — я чуть прищурилась. — Откуда вы могли знать о моём визите?

— Так ведь… распоряжение-с, — заискивающе пролепетал он, указывая куда-то в сторону потолка, подразумевая, видимо, высшие сферы власти. — Строжайшее указание от самого господина директора: ежели княжна Долгорукова пожалует, принимать безотлагательно, бумаги оформлять вне очереди и со всем возможным почтением. Извольте пройти в кабинет к Ивану Петровичу, он вас примет сию же минуту!

Я стояла, чувствуя, как внутри закипает странная смесь благодарности и мягкой, почти снисходительной иронии. Саша. Ну конечно. Пока я полночи изучала параграфы о «равенстве просителей», он просто «настроил» свою систему так, чтобы она меня не укусила. Мой «путь на общих основаниях» закончился, не успев начаться.

Но, с другой стороны, это был его подарок. Куда более весомый, чем сапфиры.

В кабинете Ивана Петровича, важного господина с пышными бакенбардами, всё прошло как в ускоренной киноленте. Он даже не пытался смотреть на меня свысока. Напротив, когда я выставила на его стол пробойник и раскрыла синюю папку, он смотрел на них с таким восторгом, будто я принесла ему чертежи вечного двигателя.

— Гениально, Екатерина Михайловна! — воскликнул он, быстро подписывая какие-то бланки. — Простота конструкции — залог успеха. И главное, как своевременно! Порядок в бумагах — это то, о чём постоянно сокрушается Его Величество…

Он осёкся, поняв, что сболтнул лишнего, и быстро зашуршал бумагами.

— Ваше прошение уже зарегистрировано. Экспертиза будет проведена сегодня же. Полагаю, к послезавтра проект указа будет готов. Вам останется лишь оплатить пошлину. А образцы заберите... Не нужно...

Я вышла из Канцелярии через пятнадцать минут, имея на руках заверенную копию принятого прошения и коробку с прототипами. На улице весеннее солнце показалось мне ещё ярче.

«Ну что ж, Саша, — подумала я, забираясь в карету и бережно укладывая бумагу в ридикюль. — Ты всё-таки влез в мою игру, решив подставить плечо. Я не стану капризничать и играть в ложную гордость. Раз уж фундамент заложен так быстро, пора переходить к созданию производственных мощностей».

У меня уже был план, как это сделать. И реализовать его мне предстояло вопреки огромному количеству долгов моего семейства. Или, вернее сказать, благодаря им.

Глава 25

— На Английскую набережную, к барону Гинцбургу, — бросила кучеру.

Пока колёса стучали по мостовой, я прикрыла глаза, настраиваясь на предстоящий бой. Для любого в моём окружении этот визит выглядел бы безумием. Поехать к самому крупному, самому жёсткому кредитору семьи, который уже держит нас за горло? Варвара бы упала в обморок, а Михаил наверняка решил бы, что я сошла с ума.

Но я мыслила иначе. В прошлой жизни я знала: если ты должен банку копейку — ты раб, но если ты должен банку миллионы — ты партнёр. Барон Гинцбург «застрял» в долгах Долгоруковых почти на сорок тысяч рублей. Для него это был «мёртвый актив», безнадёжная дыра в балансе. И именно поэтому он был моей идеальной целью.

«Мне не нужен спаситель, мне нужен тот, кто умеет масштабировать бизнес», — думала я. «Гинцбург уже вложил в нас деньги, просто он ещё не знает, что это были инвестиции в бизнес».

В приёмной барона пахло дорогим табаком и конторской кожей. Секретарь, сухой мужчина в безупречном сюртуке, взглянул на меня с вежливой скукой.

— Княжна, барон крайне занят. Если вы по вопросу векселей вашего брата, то дело уже передано…

— Передайте барону, — перебила его я, чеканя слова, — что я пришла обсудить не долги Михаила Михайловича, а ликвидность его вложений.

Секретарь запнулся. Слово «ликвидность» в устах молодой женщины прозвучало как выстрел. Спустя минуту тяжёлые дубовые двери кабинета открылись.

Барон Гораций Гинцбург встретил меня стоя за массивным столом. Он был воплощением финансовой мощи империи: холодный взгляд, безупречная выправка.

— Княжна Екатерина Михайловна, — он слегка склонил голову, но в глазах читалась усталость. — Признаться, я удивлён. Надеюсь, вы не станете тратить моё время на слёзы и рассказы о тяжёлом положении вашего дома?

Я прошла к креслу и села, не дожидаясь приглашения, и поставила коробку на пол.

— Оставим драму для театра, барон. Я пришла предложить вам сделку. Партнёрство пятьдесят на пятьдесят в новой компании. С меня — патент на устройство, которое перевернёт весь документооборот в стране, и гарантированные заказы от министерств. С вас — капитал и организация производства.

Гинцбург замер, а затем коротко, сухо рассмеялся.

— Партнёрство? С вами? Простите мою прямолинейность, княжна, но что вы, барышня из высшего света, понимаете в делах? Что вы планируете производить? Шёлковые ленты? Или, может, модные кружева? Вы полагаете, мне, банкиру, пристало тратить время на модисток и их безделушки?

Я не отвела взгляда. Напротив, подалась вперёд, и в моих серых глазах Гинцбург внезапно увидел не женскую покорность, а стальной блеск опытного хищника.

— А если и ленты, барон? — голос мой был ровным, почти ледяным. — Или вы считаете, что зарабатывать на лентах и прочих кружевах огромные деньги — это ниже вашего достоинства? Вспомните оборот текстильных мануфактур Морозова или Лоуэлла. Деньги не пахнут духами, они пахнут возможностями. Вы считаете меня глупой «барышней», но пока вы тратите время на иронию, мимо вас проходят миллионы.

Гинцбург снова коротко рассмеялся, откинувшись на спинку массивного кресла. В этом смехе не было злобы — лишь снисхождение человека, который видел сотни таких «прожектёров» с горящими глазами.

— Княжна, ваша пылкость делает вам честь, но бизнес — это не цитаты из газет о мануфактурах. Это расчёты, это право, это дозволение властей. А вы… вы просто очаровательная девушка, которая решила поиграть в купчиху.

Я дождалась, пока он замолчит. Не стала спорить. Вместо этого медленно открыла ридикюль и выложила на полированное дерево стола лист плотной бумаги с гербовыми печатями.

— Вы правы, барон. Бизнес — это дозволение.

Придвинула бумагу к нему. Это была копия прошения на «привилегию», заверенная сегодня утром в Департаменте торговли и мануфактур. Имя заявителя: княжна Екатерина Михайловна Долгорукова. Срок выдачи привилегии — послезавтра.

Гинцбург замер, вглядываясь в даты. Его пальцы, только что небрежно державшие лист, заметно напряглись. Он перевёл взгляд с бумаги на меня, потом снова на печать Департамента.

Шестерёнки в голове банкира закрутились с бешеной скоростью. Как человек, знающий изнанку петербургской бюрократии, он понимал: получить «охранительное свидетельство» в такие короткие сроки — это не просто удача. Это невозможно. Если только за спиной просителя не стоит фигура такой величины, чьё имя в приличных домах произносят либо шёпотом, либо с глубоким поклоном.

В кабинете повисла тяжёлая, звенящая тишина. Барон больше не улыбался. Его взгляд стал острым, оценивающим, словно он заново пересчитывал мою стоимость.

— Сегодняшнее число… — почти прошептал он, скорее самому себе. — Подано утром, зарегистрировано к полудню... Княжна, я недооценил масштаб вашей… подготовки.

Он аккуратно положил документ на стол, словно тот стал внезапно горячим. Весь его покровительственный тон испарился, уступив место профессиональной осторожности хищника, который почуял другого хищника — куда более крупного.

— В нашем деле, Екатерина Михайловна, есть вещи, которые стоят дороже золота. И «скорость» — одна из них, — барон прищурился, заново взвешивая меня на своих внутренних весах. — Но допустим. Скорость регистрации — знак того, что к вам… благосклонны. Это полезно. Весьма. Но любые настроения переменчивы, как петербургская погода. Вы предлагаете мне вложить капитал в железку и картон. Даже если у вас есть документ, это не значит, что министерства выстроятся в очередь. Почему я должен верить, что эта вещь кому-то нужна, кроме вашего адресата?

Я не стала пускаться в лекции по экономике. Поняла: сейчас не время для цифр, время для жестов. Медленно выставила перед ним пять папок в строгом сером коленкоре и тяжёлый стальной пробойник.

— Я не собираюсь вас убеждать, барон. Вы — человек дела, а слова стоят дёшево. Просто попробуйте. Попробуйте сами, отдайте своим клеркам — мне всё равно.

Выпрямилась и начала медленно надевать перчатку, демонстрируя, что разговор окончен.

— Имейте в виду лишь одно: сейчас в этом городе таких комплектов всего три. Один — у меня. Второй — перед вами. А третий… — я сделала паузу, и мой голос стал едва заметно тише, — третий… И он, в отличие от вас, не спрашивал о «целесообразности». Он просто сразу понял, как это работает.

Гинцбург замер. Его рука, уже потянувшаяся было к пробойнику, на мгновение зависла в воздухе. Это был удар под дых. Я не просто намекнула на связь с императором — я поставила банкира в положение человека, который рискует оказаться «вне игры». Если в Зимнем дворце уже щёлкают этими механизмами, а Гинцбург начнёт воротить нос, он не просто упустит выгоду. Он покажется ретроградом в глазах того, от чьего росчерка пера зависит благополучие его банка.

— Всего три? — переспросил он, и в его голосе впервые прорезалась жадная, истинно банкирская нотка.

— Всего три, — подтвердила я, застёгивая пуговицу на перчатке. — Так что попробуйте, барон. Посмотрите сами, дайте своим людям. Если решите, что вы в деле, то послезавтра вы дадите мне четыреста пятьдесят рублей серебром, чтобы оплатить пошлину за десятилетнюю привилегию. Если нет — я забираю папки и иду к Поляковым. Думаю, Самуил Соломонович оценит соседство своего имени в одном списке с… тем самым третьим владельцем.

Кивнула барону — коротко, почти по-мужски — и направилась к выходу.

— Княжна! — окликнул меня Гинцбург, когда я уже взялась за ручку двери. — Оставьте бумаги из Департамента здесь. Мне нужно… изучить их подробнее.

Я на миг замерла.

— Оставлю, до послезавтра, — кивнула. Сделала два шага обратно к столу, и мой взгляд стал предельно деловым. — Ещё одно, барон. Относительно моего брата.

Гинцбург вопросительно приподнял бровь, всё ещё прижимая ладонь к копии «привилегии».

— Михаил Михайлович — человек… увлекающийся, — произнесла я с той долей светской холодности, которая не оставляла сомнений в моём истинном отношении к брату. — Я убедила его выдать мне верющее письмо, чтобы самой разбираться с лентами и кружевами, пока он ищет способы покрыть карточные долги. Если он узнает, о чём мы тут с вами говорили, то наше предприятие погрязнет в векселях, выданных братом, ещё до того, как заработает первый рубль. А это не в наших с вами интересах.

Гинцбург тонко улыбнулся. Этот штрих окончательно убедил его: передо мной не просто барышня с удачным патентом, а полноценный игрок, умеющий зачищать тылы.

— Я вас понял, Екатерина Михайловна, — кивнул барон. — Мои люди умеют хранить молчание. Для Михаила Михайловича я остаюсь всё тем же суровым кредитором, который требует возврата векселей.

— Вот и отлично. До встречи послезавтра.

Я вышла из кабинета барона с ощущением, что первый раунд выигран, и барон теперь никуда от меня не денется.

***

Михаил ждал меня в малой гостиной. Он успел выпить лишнего для храбрости, и теперь его лицо горело нездоровым румянцем. Завидев меня, он вскочил, едва не опрокинув столик с кофейным прибором.

— Катя! Наконецто! Мне передали… тебя видели на Английской набережной! Ты была у барона Гинцбурга?! — голос его сорвался на визг. — Отвечай немедленно, что ты там делала? Ты решила окончательно нас опозорить? Что ты ему наобещала? Он согласился на отсрочку по моим бумагам? Катя!

Я медленно остановилась посреди комнаты. Не спеша стянула правую перчатку, затем левую. Каждое моё движение было пропитано таким убийственным спокойствием, что Михаил невольно начал сбавлять тон.

— Михаил, — негромко произнесла я, глядя на него как на неисправный механизм. — Твои крики слышны даже на улице. Уймись.

— Уймись?! Ты пошла к моему главному кредитору за моей спиной! Я глава семьи! Я требую отчёта! О чём вы говорили?!

Я сделала шаг к нему, и Михаил замолчал, подавившись очередным возмущением. Я была ниже его, но в этот момент казалась вдвое выше и сильнее.

— Слушай меня внимательно, — мой голос был тихим, но отчётливым, как щелчок того самого пресс-пробойника. — Мои визиты и мои разговоры — не твоё дело.

— Как это не моё?! Я глава семьи! Я требую ответа! Если ты что-то затеваешь за моей спиной…

Я даже не повернула головы. Просто прошла мимо него к лестнице, шурша юбками по паркету.

— Катя! Ты слышишь меня?! Я тебе запрещаю! — вопил он мне в спину, захлёбываясь от бессильной ярости. — Ты не смеешь сама ходить к таким людям! Слышишь?!

Я не обернулась. Не прибавила шагу. Просто поднялась на второй этаж и плотно закрыла за собой дверь в свои покои, отсекая шумную истерику брата, как ненужный белый шум.

Глава 26

Я вошла в свою комнату, чувствуя, как гудят ноги от непривычно долгой ходьбы.

— Акулина, — шепнула я, — сбегай в лавку. Купи свежие «Биржевые ведомости». Если нет сегодняшних — бери вчерашние.

Горничная кивнула и исчезла за дверью быстрее, чем я успела снять перчатки.

В этом времени информация была самым дорогим и труднодоступным товаром. Мне нужно было не просто «посмотреть цены» — мне требовался безупречный, выверенный до копейки бизнес-план. Барон Гинцбург — хищник, и он наверняка попытается задавить меня своим авторитетом, убеждая, что производство — это «грязное мужское дело», в котором я ничего не смыслю. Он будет предлагать отстранить меня от управления, оставив лишь роль номинальной владелицы. Но этот вариант меня не устраивал.

Чтобы влиять на решения, я должна была знать структуру расходов и потенциал доходов лучше его главных бухгалтеров. Сколько на самом деле стоит пуд английской стали в порту? Почём оптовые закупщики отдают рулоны коленкора? Какова цена на качественный картон-прессшпан? Газета была моим единственным оружием. Когда послезавтра он начнёт жонглировать цифрами, пытаясь занизить мою долю прибыли за счёт «непредвиденных расходов на материалы», я должна буду ткнуть его носом в биржевой прейскурант. Я должна показать ему, что я — мозг этого предприятия, а не его украшение.

Внезапно раздался резкий сухой стук и ко мне в комнату, не дожидаясь разрешения, ворвалась Варвара в шляпке с вызывающе торчащим пером.

— Катя! — Она вспорхнула мне навстречу, обдав ароматом фиалок. — Душенька, вы всё пропустили! В городе только и разговоров, что о сегодняшнем утре в Зимнем!

Я присела в кресло, стараясь выглядеть лишь умеренно заинтересованной.

— Что-то случилось? Государь не в духе?

— Государь как раз в добром здравии, чего не скажешь о его секретарях! — Варвара заговорщицки понизила голос. — Представляете, утром охрана к нему в кабинет ворвалась с саблями наголо. Слышат — хлопки, резкие такие, будто из пистолета палят. Влетают, а Его величество сидит себе за столом, совершенно спокойный. И в руках у него — какая-то чудная железка. Он ею в бумагах дырки бьёт! Грохот на весь коридор, а он только посмеивается.

Я опустила глаза, разглаживая складку на юбке. Мой дырокол, или пресс-пробойник, как я назвала его в прошении на привилегию, явно пришёлся государю по вкусу.

— Но самое интересное началось потом! — Варвара замахала веером, и лицо её стало вдруг тревожным. — Он вызвал начальников отделений и устроил им форменный разнос. Тряс какими-то листами и кричал, что отныне не потерпит в делах ни малейшего беспорядка. Приказал: «Чтоб у каждого на столе был идеальный порядок, как в аптеке, и чтобы больше ни одна бумажка не пропадала! Кто хоть лист потеряет — лично в Сибирь отправлю канцелярию разгребать».

Варвара зябко повела плечами и сокрушённо покачала головой.

— Ох, Катя, как бы чего не вышло! Ведь вы же знаете государя — он если в своей канцелярии порядок настроит, так и дальше пойдёт порядки наводить. По всей стране ведь заставит! Шуму будет на всю Россию… Теперь ни один чиновник без страха на свои стопки бумаг смотреть не будет. Раньше-то как — потерялась бумажка, ну и бог с ней, дело житейское. А теперь? Теперь над каждым прошением трясутся, будто над святыней. Ой, закрутит он гайки, помяните моё слово!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.